

Алексей ГОЛИЦЫНГЕРХАРД ЗАВАЦКИЙ, НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КЛАССИК
ИЗ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

В 2020 году в Германии вышел роман «Мы сами»¹ Герхарда Завацкого – по словам критиков, «возможно, самое значительное произведение о немцах Поволжья»². Автор создавал масштабное историческое полотно в 1930-х годах, однако до настоящего времени публиковались лишь его фрагменты³.

Биография автора, погибшего в советском лагере в 1944 году, была известна только в общих чертах. При этом Gerhard Sawatzky – прозаик, поэт, переводчик, педагог, делегат I съезда советских писателей, заместитель редактора литературного журнала «Der Kämpfer» («Боец») в Энгельсе – был одним из самых заметных общественных деятелей Республики немцев Поволжья.

Впервые расшифрованное уголовное дело⁴ позволяет понять причины ареста писателя и расширить представления об общественно-политической жизни немецкой автономии в последние годы ее существования.

Герхард Генрихович Завацкий (сам он подписывался Гергард) родился в декабре 1901 г. в селе Никольское Славгородского округа Алтайского края в крестьянской семье.

«Я вырос в затхлой реакционной и фанатически религиозной меннонитской среде, где все было пропитано враждебным отношением ко всему новому, ко всему, что принесла победа пролетарской революции, за исключением того факта, что крестьяне (в том числе и меннониты) получили Землю. Весь быт моего родного села и вся жизнь в отцовском доме были пронизаны враждебностью к другим национальностям», – писал Завацкий в тюрьме сразу после ареста в ноябре 1938 г. Позже он откажется от этих показаний, но очевидно, что такая точка зрения для бывшего кандидата в члены партии была вполне органичной.

В 1919 г. юноша был мобилизован и с июля по ноябрь служил в армии Колчака санитаром. После занятия Омска Красной армией прослужил в ней еще три месяца – также санитаром.

В 1922 г. поехал учиться в Москву в Немецкий педагогический техникум. «Из глухой деревушки, состоящей из 36 крестьянских дворов и расположенной в 55-60 километрах от железнодорожной станции, я попал в Москву», – напишет Завацкий в беллетризованных не по собственной воле тюремных показаниях.

Осенью 1925 г. техникум был переведен в Ленинград, туда же переехал и Герхард, и там же окончил Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена. Осенью 1928 г. Завацкий поехал в город Бальцер (ныне – Красноармейск Саратовской области), где стал преподавать в школе-девятилетке и в текстильном техникуме. Там же Завацкий начал активно печататься в немецкоязычной прессе, и летом 1931 г. решением обкома ВКП/б/ был переведен в Энгельс на должность ответственного секретаря ассоциации пролетарских писателей АССР немцев Поволжья. Тогда же начал редактировать литературные страницы газеты «Nachrichten» («Известия»)⁵.

¹ Sawatzky, Gerhard. Wir selbst. Published by Galiani, Verlag (2020).

² <https://p.dw.com/p/3ZJyO>

³ <https://wolgadeutsche.net/library/item/200>

⁴ Здесь и далее цитируется с сохранением особенностей оригинала архивное прекращенное уголовное дело ОФ-16717, хранящееся в Управлении ФСБ РФ по Саратовской области.

⁵ <https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/212>

Карьера Завацкого-писателя шла вверх. После роспуска Ассоциации, в мае 1932 г. он вошел в «Оргкомитет Союза советских писателей Немреспублики», 15 июня 1933 г. был одним из организаторов 1-й конференции Союза советских писателей АССР НП, в тот же год был приглашен на конференцию немецких писателей в Москве. В конце 1933 г. был участником краевой конференции писателей в Сталинграде.

Вершиной карьеры стало участие в I съезде писателей СССР в 1934 г., куда Завацкого пригласили делегатом с правом решающего голоса. От АССР НП на съезде также присутствовали Андреас Закс (1903–1983) – тогдашний уполномоченный отделения Союза советских писателей по Немреспублике, Иоганнес Бехер (1891–1958) – будущий министр культуры ГДР, Франц Бах (1885–1942) – входил в правление Союза писателей СССР, был репрессирован и умер в заключении. Также к немецким писателям были приписаны венгр Александр Барта (1897–1938, расстрелян) и австриец Рудольф Рабич (1894–1937, расстрелян).

Судя по материалам уголовного дела, Герхард Завацкий близко общался только с Андреасом Заком, который постоянно перехватывал у старшего товарища номенклатурные посты, вероятно в силу пролетарского происхождения (Завацкий, напомним, был из крестьян).

В показаниях Завацкого, с поправкой на тюремные обстоятельства, их отношения не похожи на дружбу ровесников: «В редакции “Нахрихтен” я в 1931 г. познакомился с начинающим поэтом и драматургом Андреасом Адамовичем Заком. Вскоре я заметил в его литературном творчестве – в его мертвых стихах и очерках – националистические тенденции; Закс с большой охотой применял диалект, распространенный в его родном кантоне на нагорной стороне Немреспублики». (Нужно пояснить, что владение диалектом следователи 1930-х трактовали как чуть ли не главное проявление национализма и фашизма.)

И далее: «Самым подходящим объектом для обработки и вербовки в дальнейшем я считал А. Закса. Как уже сказано выше, Закс охотно пользовался диалектом; поддерживал своим литературным творчеством реакционные элементы в развитии языка, в культуре. Со временем я заметил в его творчестве еще одну особенность, которая могла стать полезной для нашей вражеской организации: Закс охотнее всего обрабатывал деревенские предания, шутки и разные истории, не обращая при этом особого внимания на их содержание, лишь бы они были смешными».

Между тем в октябре 1935 г. Завацкий не прошел на должность председателя правления отделения Союза советских писателей по Немреспублике. Обком назначил вместо него Андреаса Закса. Однако в 1937-м Закса исключают из партии за связь с врагами народа, в том числе с сотрудником газеты «Нахрихтен», где работал также и Завацкий, но последнего репрессии почему-то не коснулись.

27 октября 1938 г. по решению Обкома Немреспублики было проведено организационное собрание местных писателей. В президиум был избран Завацкий, который, вероятно, претендовал на роль лидера писательского союза. Но неожиданно и Завацкого, в свою очередь, обвинили в связи с врагами народа, и уполномоченным Союза советских писателей по Немреспублике стал Закс.

В ноябре 1938 г. Завацкий на допросе оговорил и Закса, и себя: «Я продолжал обрабатывать Закса, и уже в 1937 г., когда Закс был исключен из партии... а потом восстановлен со строгим выговором, я рассказывал ему, что в Немреспублике существует контрреволюционная фашистская организация и какие цели она себе ставит. Поработав своей литературной деятельностью уже в пользу этой организации, он согласился стать ее членом».

Несмотря на то, что в материалах дела Андреас Закс обозначен как «участник к-р. фашистской организации», он не был допрошен даже в качестве свидетеля.

На момент ареста Герхард Завацкий жил с женой и двумя сыновьями в Энгельсе на ул. Ленина, 148. Одноэтажный каменный дом сохранился до наших дней, нынешним его обитателям имя Завацкого ничего не говорит.

3 ноября 1938 г. оперуполномоченный 3 отдела НКВД АССР НП Белоусов направил республиканскому прокурору справку, в которой говорилось, что Завацкий «является активным участ-

ником фашистской, шпионско-террористической организации, по заданию которой с другими участниками, арестованными органами НКВД, участвовал в подготовке террористического акта против тов. МОЛОТОВА во время его отдыха в Крыму». Нарком внутренних дел АССР Немцев Поволжья Илья Рессин утвердил постановление об аресте, и 4 ноября Завацкий был арестован. При обыске была изъята, в том числе, групповая фотография Завацкого с бывшими руководителями Немреспублики. Примечательно, что жена писателя София Густавовна дала органам расписку в том, что обязуется «держат в полной сохранности находящуюся у меня пишущую машинку с немецким шрифтом и фотоаппарат». С начала и до конца следствия Завацкий содержался в тюрьме НКВД №1 города Энгельса.

С 5 по 13 ноября 1938 года Завацкий собственноручно записывал свои «показания» и называл себя «кулацким националистом, не сумевшим преодолеть разлагающее действие того яда, который я впитывал в родной семье, а потом в “литературном кружке” и в немецких клубах в Ленинграде». Завацкий писал, что летом 1934 г. якобы был завербован в фашистскую организацию народным комиссаром просвещения АССР Немцев Поволжья Александром Вебером¹. Вымышленной подпольной организацией, по словам Завацкого, руководили Адам Вельш² и Евгений Фрешер³, которые ставили цель «путем разжигания национальной вражды бороться против советской культурной революции, а в дальнейшем, при возникновении <...> войны, интервенции или другого события, ввергающее советскую страну в затруднения, способствовать свержению советской власти».

Чем же конкретно вредили советской власти немецкие писатели-«фашисты»? В протоколе допроса Завацкого читаем:

«Мистическое стихотворение Давида Шелленберга⁴ “Кролик”, которое представляло не что иное, как гладкостью своей формы подкупающее подражание такого же мистического стихотворения “Тигр” германского национал-фашистского поэта Рильке. Защиту “преимуществ” стихотворения “Кролик” со стороны самого автора и со стороны литературоведа Корнелиуса Мартенса⁵... я понял как призыв ориентироваться на национал-фашистских писателей Германии».

В свою очередь, поэт Давид Шелленберг на допросе в январе 1936 г. говорил (разумеется, в пересказе чекистов) о том же:

«Под влиянием Райнер Мария Рильке – немецкого декадента, я напечатал свое произведение “Кролики”, являющееся произведением мистического характера, рисуящее отношение человека к природе в идеалистическом духе. Находясь под влиянием Райнер Мария Рильке, я считал, что силе его лирического формального мастерства надо учиться нам, современным писателям, и сам у Райнер учился. Это заблуждение привело меня к отходу от проблем строительства национальной культуры Советского немецкого села к “бегству в прошлое”, к превалированию в моей практике формы и языка над содержанием. Внимание форме и языку я мотивировал отсталостью языка советских немецких писателей от языка революционной литературы Германии. Стихотворение “Кролики”, как и редакторская моя практика, также свидетельствуют о том, что влияние на меня декадентской литературы привело меня к фашизму».

¹ Александр Яковлевич Вебер (1906–1968), преподаватель, в 1932–1936 нарком просвещения АССР Немцев Поволжья.

² Адам Андреевич Вельш (1893–1937) – первый секретарь обкома ВКП(б) АССР Немцев Поволжья, председатель ЦИК и СНК АССР Немцев Поволжья. Входил в состав особой тройки НКВД СССР. Расстрелян в Саратове.

³ Евгений Эдуардович Фрешер (1890–1938), первый секретарь обкома ВКП(б) АССР Немцев Поволжья, председатель Саратовского крайисполкома. Расстрелян в Саратове.

⁴ Давид Шелленберг (1903–1954) – поэт, прозаик, публицист, переводчик, критик, редактор. Автор повестей «Жажущая земля» (1930), «Бедняки-меннониты» (1932), поэмы «Фантазии в Гальштадском округе» (1933) и книги «Разветвленные рассказы» (1932). Репрессирован.

⁵ Корнелиус Корнелиусович Мартенс (1880–1937) – религиозный и общественный деятель, писатель. На допросах Завацкий называл его своим двоюродным братом. Расстрелян.

Однако не идейная отсталость литературных произведений стала главной причиной ареста Завацкого. Два года подряд писатель брал отпуск и ездил в Крым. И эти незначительные факты оказали влияние на последующие события.

Осенью 1935 г. двоюродный брат Герхарда Завацкого школьный учитель Генрих Классен пригласил его погостить к себе в Крым, в село Спат. Вместе они ездили в Севастополь, Балаклаву, Ялту, Алушту и Симферополь. А в 1936 г. Завацкий купил путевку и провел отпуск в Ливадии. Во время этих поездок писатель знакомился с приятелями своего брата – по большей части такими же работниками сельских школ.

Однако арестованные в Крыму Генрих Классен, Корней Винс, Борис Валл, Эмиль Фишер и Роберт Нефф признались, что были членами фашистской организации и готовили теракты против отдыхавших на южном берегу Крыма руководителей советского государства. Если не знать о трагических судьбах обвиняемых, то выбитые из них абсурдные показания звучали бы издевательски.

Так, например, учитель химии Эпп должен был «подготовить через свои связи в аптекоуправлении Симферополя необходимые средства для химической борьбы с Советской властью, т.е. яды для отравления скота и колодцев по пути следования красноармейских частей». Он же должен был «подготовить для выполнения террористических актов кадры химиков, состоявших из учащихся старших классов, детей репрессированных». Деревенские педагоги-террористы даже якобы «сосредоточили в хатах-лабораториях химические отравляющие вещества, но их попытка оказалась неудачной, так как лаборатория эта была по производственным соображениям правлением колхоза закрыта».

Кроме того, «согласно выработанного плана, намечался разбор железно-дорожного пути у мостика между станциями Сарабуз и Китай», в результате чего должен был пострадать народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов. Диверсию якобы готовил агент немецкой разведки, организатор штурмовых отрядов, глубоко законспирированный завхоз поселковой школы некий Нусс. А о времени прохождения поезда, в котором должен был ехать Молотов, должен был сообщить из Симферополя сотрудник НКВД немец Давид Винс.

Завацкий же, по версии крымских следователей, – троцкист, входивший в группу фашистских писателей – должен был приехать из Поволжья в Крым, чтобы объехать южный берег и выяснить, где расположена правительственная дача.

Однако диверсия на железной дороге не состоялась, как отмечалось в протоколе, «видимо, из-за неприезда Молотова».

Летом 1939 г. в Крыму были передпрошены участники мифической подпольной организации, и все они подтвердили свои признания годичной давности, в том числе и против Завацкого. При этом сам писатель признал себя виновным только в том, что был участником контрреволюционной фашистской организации и проводил антисоветскую пропаганду. Обвинения в шпионаже и терроризме он отвергал.

«Мне не ясно, какой именно эпизод из этой поездки Классен мог обозначить попыткой к собиранию шпионских сведений. Помню, по пути из Симферополя в Севастополь было вот что: когда поезд подъезжал к Севастополю, проводник прошел по вагону и закрывал окна. На вопрос одного из пассажиров, зачем он это делает, проводник ответил: “Пограничная зона, разве не знаете?” Шпионско-террористической работой я не занимался», – утверждал Завацкий.

Тем не менее, 1 июня 1939 г. было составлено обвинительное заключение. Герхард Завацкий обвинялся по следующим пунктам:

в 1926 г., находясь на учебе в Ленинградском Немпедтехникуме, входил в состав контрреволюционной группы, действовавшей под вывеской «литературного кружка»,

летом 1934 г. был завербован в фашистскую организацию на территории Немреспублики,

занимался вербовкой лиц в состав фашистской организации и проводил контрреволюционную работу среди писателей Немреспублики, прививая им буржуазно-националистические

взгляды, и вызывал в них стремление своими произведениями воспитывать читательские массы в шовинистическом антисоветском духе,

осенью 1935 г. специально выезжал в Крым для налаживания связи по контрреволюционной работе с руководителями фашистской организации,

выезжал в пограничные города для сбора шпионских материалов о расположении береговых батарей,

собирал шпионские сведения о расположении воинских частей на территории Немреспублики, готовил террористические акты против руководителей ВКП/б/ и Советского правительства, для чего приезжал в Ливадио и изучал маршруты их поездок.

Следователь Горбонос¹ отправил дело Завацкого в военную прокуратуру, где обвиняемого должны были судить, но неожиданно получил отказ. Помощник военного прокурора Олейников отметил, что дело Завацкого было расследовано с массой нарушений, и 31 августа 1939 г. постановил вернуть его наркомку внутренним дел АССР НП для доследования. Срок окончания нового следствия был обозначен 20 сентября 1939 г., прокурор предупредил, что «дополнительно он продлен не будет». Отметим, что к этому моменту Завацкий уже 10 месяцев сидел в энгельской тюрьме. Однако впереди был новый этап «расследования», не менее продолжительный.

В деле «террориста» Завацкого, вероятно по настоянию военной прокуратуры, сменился следователь. Сержант Иван Ожерельев в свете новых послаблений в отношении врагов народа стал фиксировать не только время начала и окончания допросов, но и крамольные признания Завацкого. Последний заявил, что все его предыдущие показания «являются вымышленными и даны были мною в результате оскорблений и угроз со стороны следователя <Горбоноса>. И под влиянием того факта, что мой двоюродный брат Классен оклеветал меня».

Завацкий осмелился признаться, что свои допросы «писал собственноручно и делал так, чтобы они по возможности соответствовали действительности», и при этом «меры физического воздействия в процессе следствия ко мне не применялись». Подследственный уточнял: «собственноручные показания были даны под влиянием угроз и оскорблений следователя Горбонос, который угрожал мне, что он со мной пока разговаривает по-человечески, а если я не буду признавать себя виновным, он устроит надо мной расправу, оскорблял меня нецензурными словами и т.д.».

Завацкий по-прежнему категорически отрицал показания своих крымских приятелей, повторял, что «никакой контрреволюционной деятельностью никогда не занимался, никогда не намерен совершать террористические акты и заниматься шпионажем». Также писатель просил провести очные ставки с Классеном, Винсом, Валлом и Неффом, что «снять с себя это позорное пятно».

Однако очные ставки никто устраивать не спешил, и следователь ограничился допросом энгельских коллег Завацкого.

Сотрудник студии кинохроники Георгий Николаев сообщил, что ему ничего не известно об антисоветских и националистических проявлениях Завацкого, который «приглашался на все официальные приемы в обком, ВЦИК и совнарком».

У допрошенной Нины Николаевой «создалось впечатление, что Завацкий любит русскую литературу, русских классиков и, в частности, ко мне как к русской с его стороны пренебрежительного или высокомерного отношения я не наблюдала».

Сотрудница немецкого госиздательства Ирма Дикк сообщила, что ей «лично пришлось производить литературную обработку его романа “Мы сами”, и в этом произведении, как и в других известных мне его статьях и рассказах, я не замечала фактов, прямо или косвенно говорящих о контрреволюционных или националистических взглядах их автора».

Как выяснилось впоследствии, Завацкому зачитывали реабилитирующие показания коллег, и у него могла возникнуть надежда на освобождение. Но следователь решил допросить парторга

¹ Матвей Исаевич Горбонос (Горбанос, Гарбонос) (1903–?). В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД служил с 1930 г. В начале 1944 г. – капитан госбезопасности, начальник приемного пункта военнопленных 37 армии. Награжден медалью «За отвагу», орденами Красной Звезды и «Знак Почета».

редакции газеты «Нахрихтен» Марию Брестер, которая не оставила писателю шансов. До ареста Завацкого коммунистка называла его «примерным членом парторганизации, торопила с подачей заявления о переводе из кандидатов в члены ВКП/б/, напечатала отрывок из романа “Мы сами” в своей газете». А теперь с ее стороны сыпались обвинения: «Журнал, редактируемый Завацким, выходил нерегулярно, материалы, печатаемые на его страницах, носили скучный характер... Сам Завацкий в погоне за гонораром стремился печатать свои статьи интересного содержания в других газетах».

Но главное, Брестер обвинила Завацкого в вопиющих случаях потери политического чутья. Во-первых, Завацкий, будучи редактором, напечатал статью журналиста Гассельбаха, герой которой был разоблачен как враг народа... уже после выхода материала. А во-вторых, в редакции «Der Kämpfer» работала машинистка Элли Шульц, которая, по словам парторга, «имела связь со своими родителями, впоследствии репрессированными органами НКВД». Т.е. редактор, по мнению Марии Брестер, должен был предвидеть грядущие аресты незнакомых ему людей, а Завацкий вместо этого долго сопротивлялся увольнению Шульц, потом, после ареста ее родителей, все же вынужден был ее уволить, но тут же снова взял машинистку на работу.

В результате ровно через год после первого обвинительного заключения, 3 июня 1940 было изготовлен новый документ. В котором, несмотря на изменившуюся политическую ситуацию – за массовые пытки и фальсификации чекистов снимали с работы, сажали и даже расстреливали, – дословно повторялись те же обвинения.

Новый следователь опять перечислял, что Завацкий «еще будучи студентом вступил в контрреволюционную националистическую молодежную группу, действовавшую под видом “литературного кружка”, принадлежал к фашистской организации, проводил контрреволюционную работу среди начинающих писателей Немреспублики, прививая им буржуазно-националистические взгляды и стремление воспитать читательские массы в шовинистическом антисоветском духе». И главное – «по заданию антисоветского подполья выезжал в Крым для установления связей по контрреволюционной работе с руководителями фашистской организации на территории Крымской АССР».

В результате 28 сентября 1940 г. особое совещание постановило заключить Завацкого как социально-опасный элемент в исправительно-трудовой лагерь на пять лет.

Напомним, писатель был арестован 3 ноября 1938 г., провел в тюрьме почти два года и должен был выйти из лагеря в 1943 году. Однако по условиям военного времени освобождения не последовало, и 1 декабря 1944 г. заключенный Усольяга (Соликамск) Герхард Завацкий умер. Место захоронения писателя в лагерных документах не зафиксировано.

В уголовном деле содержатся две машинописные рецензии на роман «Мы сами». Отзывы Е.М. Герр¹ и Корнелиуса Мартенса предназначались, вероятно, для публикации романа в Немгосиздате в 1938 году, но до сих пор, как и ряд других документов, недоступны для исследователей.

Герхард Завацкий писал в заявлении военному прокурору 9 июня 1940 г.: «Отрывок из моего романа “Мы сами”... прошел оценку по меньшей мере нескольких тысяч советских читателей, но все же никто из них нигде не заявил, что я пишу и публикую контрреволюционную вещь. Нет, неправда, моя книга не антисоветское произведение, а наоборот. Я работал над ней с большим патристическим подъемом и любовью, и мне чрезвычайно горько думать о том, что плоды моего честного труда пропадают только потому, что ничтожная кучка клеветников ополчилась против меня».

В переводе на русский язык произведения Герхарда Завацкого, за редкими исключениями, не публиковались.

¹ Евгения Моисеевна Герр (1901–1969) – с сентября 1937 до октября 1938 была главным редактором газеты «Nachrichten». Ее рецензия датирована 20 апреля 1938 г.

Д. ОФ-16717. Л.д. 10.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия	Завацкий
2. Имя и отчество	Гергард Генрихович
3. Дата рождения	XII 1901
4. Место рождения	с. Никольское Славгородского округа Алтайского края
5. Место жительства	г. Энгельс, ул. Ленина 148
6. Профессия и специальность	педагог-обществовед
7. Место службы и должность или род занятий	заместитель ответственного редактора литературного журнала «Дер Кемпфер»
8. Паспорт	ИАН № 512104, выдан 19/VI-36 г. II отд. РКМ г. Энгельс.
9. Социальное происхождение	из крестьян середняков
10. Социальное положение	
а) до революции	
	жил при отце занимался сельским хозяйством
б) после революции	учился, служащий с 1921 г.
11. Образование	высшее педагогическое
12. Партийность	быв. кандидат ВКП/б/
13. Национальность и гражданство	немец, гражданин СССР.
14. Категория воинского учета-запаса	в Энгельском горвоенкомате, рядовой
15. Служба в белых и др. к-р. армиях	Служил в армии Колчака с июля 1919 г. по ноябрь 1919 г.
16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти	Не судим
17. Состав семьи	жена – Завацкая София Густавовна, прож. в г. Энгельсе, учительница, сыновья – Эрнст 12 лет и Эрик 4 л. братья – Генрих Завацкий, прож. в с. Александровке Славгородского округа, колхозник, Завацкий Карнелиус, прож. в с. Никольское Славгородского округа, колхозник
Подпись арестованного	Г. Завацкий
1. Особые внешние примеры	
2. Кем и когда арестован	НКВД АССР Немцев Поволжья 4 ^{го} ноября
3. Где содержится под стражей	в тюрьме г. Энгельс
4. Особые замечания	
Подпись сотрудника, заполнившего анкету	Гор<бонос>

5 ноября 1938

Л.д. 13–34.

Показ<ан>ия Завацкого Гергарда Генриховича от 5 по 13 ноября 1938 года.

Мое прошлое – мерзкое, грязное и преступное. Я пал так низко, что стал подлым преступником перед партией и советск. власти, перед великим советским народом и нашей родиной. Это чудовищно; ибо все, что у меня было: образование, интересная работа и радостная, полноценная жизнь, все у меня было благодаря Великой Октябрьской революции. Я здесь прямо и правдиво хочу рассказать о своих преступлениях, чтобы этим – насколько это вообще возможно – умалить свою вину перед советским народом.

Я вырос в затхлой реакционной и фанатически религиозной меннонитской среде, где все было пропитано враждебным отношением ко всему новому, ко всему, что принесла победа пролетарской революции, за исключением того факта, что крестьяне (в том числе и меннониты) получили Землю. Весь быт моего родного села и вся жизнь в отцовском доме были пронизаны враждебностью к другим национальностям; кроме родного немецкого языка (диалект) ни один другой язык не был в почете. Если парень-меннонит женился на девушке не-меннонитке, особенно на русской, что часто имело место во время империалистической войны, то он в среде меннонитов считался чужаком.

Я впитывал эту заразу, этот яд с детства, и впоследствии, несмотря на все прекрасные возможности, которые мне предоставила советская власть, не сумел преодолеть их вредное и губительное действие. В результате я стал врагом советского народа, загубил себя и запачкал свою семью, своих двух сыновей, у которых вся жизнь впереди.

В 1922 г. органы советской власти послали меня на учебу. Из глухой деревушки, состоящей из 36 крестьянских дворов и расположенной в 55-60 километрах от железнодорожной станции, я попал в Москву. Тысячи молодых граждан, которые в отличие от меня завоевали себе активным участием в революционном перевороте право попасть в первую очередь в советск. учебное заведение, на моем месте сделали бы все, чтобы здесь в Москве стать полноценными строителями социализма. Я же не сумел вылезть из узкой, грязной скорлупы мелкособственнического эгоизма. Я мало думал об общих делах, разрешением которых были заняты миллионы, я думал и заботился о себе, о своем личном благополучии, да воображал еще, что я лучше большинства окружающих меня товарищей. Вместо того, чтобы впитывать в себя только все то положительное, что Москва так щедро предоставляла всей учащейся советск. молодежи, а сейчас благодаря грандиозным победам на фронте социалистического строительства предоставляет в еще большей мере, я прислушивался к разговорам и суждениям производивших из зажиточных, из богатых и мелкобуржуазно-интеллигентных семейств. Наибольшее влияние на меня из них имел Давид Генрихович Шелленберг. Я ему завидовал; он имел подготовку в объеме ком<м>ерческого училища и я на него смотрел как на интеллигента «довоенного производства». Его преимущество задевало мое болезненное самолюбие и я, пом<н>я слова отца: Друзей выбирай себе из людей, которые умнее тебя», сблизился с ним. Шелленберг уже тогда был настроен националистически и, следовательно, антисоветски. Однако, его вредное влияние на меня в полной мере сказалось лишь в Ленинграде. С переводом Немпедтехникума, в котором я учился, из Москвы в Ленинград (осень 1925 г.) менялся и преподавательский состав. между прочим преподавателями Немпедтехникума вскоре стали работать проф. проф. Вульфius и Клейненберг. На сколько мне известно, оба они выходцы из старой петербургской буржуазной интеллигенции. В конце 1925 и в начале 1926 г. они являлись заправками «Немецкого Клуба». Подробности из деятельности этого клуба мне неизвестны, но что он по своему духу был антисоветским, контрреволюционным, это можно было заключить из того, что его члены с презрением и отвращением смотрели на всякое проявление нового, советского в нашей жизни. Вульфius всячески старался вовлечь студентов Немпедтехникума в этот клуб. Большого успеха он в этом не имел, было всего несколько групповых посещений организуемых в клубе вечеров, а потом туда ходили уже только девочки.

Часть студентов Немпедтехникума однако подпала под вредное влияние Вульфiusа. Они его считали человеком в высшей степени культурным, человеком, к голосу которого во всех отношениях и во всяком случае надо прислушиваться внимательнее, чем напр. к голосу комсомольцев. К этим приверженцам проф. Вульфiusа принадлежал и Д. Шелленберг. Его (Шелленберга) антисоветские настроения (а в дальнейшем и действия), которые проявлялись в язвительных замечаниях о якобы чрезвычайно низком теоретическом уровне всего процесса преподавания в техникуме, я объясняю не только и не столько тем, что Шелленберг в свое время учился в Гальштадтском ком<м>ерческом училище (на Украине), где как правило учились лишь сынки богатых немецких помещиков, фабрикантов, купцов и кулацкой верхушки, сколько влиянием Вульфiusа. Этому вредному влиянию подвергался и я. Произошло это следующим образом. Вульфiusа я видел

лишь редко и то только мимоходом, так как я с начала 1926 г. учился в Ленинградском Госуд. Пед. Институте имени А.И. Герцена. Но я жил в общежитии Немпедтехникума, при котором Д.Г. Шелленберг в 1926 г. (во II половине) организовал «литературный кружок». Уже саму необходимость организовать этот кружок Шелленберг мотивировал националистическими соображениями провокационного характера. Он тогда сказал: «Чорт возми, латыши имеют такой кружок, так почему же нам немцам не иметь такого?» Этот «литературный» кружок работал всего месяца 2-3, но его вражеская деятельность не осталась без последствий. Дело в том, что вывеска «литературный кружок» была лишь ширмой; это был националистический, антисоветский кружок. Конечно, этот кружок занимался и литературой. Сильнейшим участником, а поэтому и руководителем этого кружка был Шелленберг. Членами были я, Ив. Ив. Вильмс, работавший после 1926 года на юге Советск. Союза, сперва вблизи Ейска, а потом в Запорожьи, и Исаак Фризен. О Фризене я знаю, что он впоследствии работал в Немреспублике. Его я давно потерял из виду. Кроме названных лиц в этом кружке еще состоял некто Герстенбергер, но он скоро уехал и о нем я впоследствии ничего больше не слышал. По заданию Шелленберга члены этого «литературного» кружка вели националистическую-шовинистическую, т.е. антисоветскую агитацию среди студентов Немпедтехникума. Они всеми силами дискредитировали молодых преподавателей. Закончившие свое образование уже при советск. власти, поносили якобы из рук вон плохо поставленн. педагогический процесс в техникуме и сеяли рознь между студентами. Члены «литературного» кружка с этой целью издевались над студентами, происходившие из Немреспублики, которые говорили хуже по-немецки и лучше по-русски чем студенты из других областей, напр. из Украины, с Сев. Кавказа, из Закавказья и т.д. Хотя в данном случае и идет речь об отношении одной группы немцев к другой, все же эти издевательства носили явно националистический, шовинистический характер, так как это были злостные нападки такой группы немцев (меннонитов), на чье развитие которых окружающая русская среда в силу целого ряда причин оказала меньше влияния, на группу немцев (немцы Поволжья), на все развитие которых окружающая русская среда повлияла больше. Особенно показательным для отношения членов националистического кружка к студентам из Немреспублики было слово «поволжский негр», которым первые обозначали последних. Оно по содержанию перекликается со словом «негр с Конго», особенно в немецком языке: «Wolganeger» – «Kongoneger».

Непосредственным руководителем «литературного» кружка, как я уже сказал, был Д. Шелленберг, но почти такое же влияние как он оказали на членов кружка уже упомянутый «Немецкий Клуб» и «Немецкий Рабочий Клуб». В «Немецком Клубе» я был всего один раз. Там в этот вечер силами членов клуба, т.е. непрофессиональных артистов, а любителей ставилась драма «Фауст» Гете. Я полностью присоединился к мнению Шелленберга, что постановка очень хороша, и что этот язык (язык артистов, их выговор, дикция, интонация и т.д.) для нас прямо-таки образец.

Таким же, т.е. националистическим, антисоветским, было и то влияние, которое на всех студентов оказывал «Немецкий Рабочий Клуб» (За точность названия я сейчас ручаться не могу). Этот клуб был организован германскими эмигрантами, проживавшими в Ленинграде и пользовался (на сколько мне известно, на договорных началах) большим залом и сценой Немпедтехникума. В этом клубе часто устраивались популярные лекции, которые сопровождались так называемым «уютным часом в кругу» (я тут перевел трудно переводимое немецкое выражение: «Gemütliches Beisammensein») с пивом и танцами. На этих вечеринках от эмигрантов частенько слышались такие примерно слова: «Что здесь! Посмотрели бы в Германии, там все лучше». «Там рабочие одеваются лучше чем здесь интеллегенция. Вот у ней (т.е. у Германии) вам бы учиться культуре» или «Русский народ не любит порядка и работы» и т.д. Шовинистические нашествия Шелленберга и эта гнусная антисоветская агитация членов «Немецкого Рабочего Клуба» довели меня до того, что белый воротничок и аккуратно завязанный галстук мне в конце концов показались чуть ли не первыми и важнейшими признаками культуры. Отравляющее действие этой агитации помешало мне, по настоящему подружиться с товарищами-однокурсниками в институте. А среди них было не мало очень развитых и действительно культурных людей, как напр.

Дубов, Рождественский и др. Хотя я уже 10 лет никого из них не видел и ничего о них не слышал, я не знаю, что с ними стало, но это были честные советские люди и я сейчас глубоко уверен, что дружба с этими русскими товарищами-однокурсниками наверное способствовала бы тому, чтобы я еще тогда сошел с губительного пути, на который меня привели националистические, шовинистические настроения. Я искренно сожалею сейчас о том, что такой настоящей дружбы с ними у меня не было, а было лишь поверхностное знакомство.

Д. Шелленберг, Ив. Вильмс еще в 1926 г. покинули Немпедтехникум и уехали, так что «литературный кружок» распался. Д. Шелленберг уехал в Москву, где он стал работать в литературном отделе «Немецкой Центральной Газеты» («DZZ»).

Осенью 1928 г. после окончания института им. Герцена я поехал в АССР Немцев Поволжья, в город Бальцер, где я поступал на работу в школу девятилетку и в Текстильный Техникум. Зав. техникумом был некий Карл Васильевич Штрек, его заместителем и завуч – Энгельбрехт. Штрек с 1933 или с 1934 г. работал преподавателем рабфака при Немпединституте в Энгельсе, а Энгельбрехт из Бальцера тоже куда-то уехал и я его потерял его из виду. Они оба были маститые буржуазно-кулацкие националисты. Различные затруднения при приобретении учебников, учебных пособий и различных материалов для химической лаборатории и для механической мастерской они почти всегда объясняли тем, что этим делом ведают не немцы, а русские. Точно так же они объясняли и неполадки и ненормальности с учебными программами, а не тем обстоятельством, что в Наркомпросе сидели враги народа, сознательно и намеренно дезорганизуя дело народного просвещения образования. Энгельбрехт при каждом случае старался «доказать», что немцы якобы вообще умнее и способнее русских. На такого рода антисоветскую агитацию Штрека и Энгельбрехта я возражал лишь очень редко и то только очень неубедительно. Вместо того, чтобы бороться против этой контрреволюционной агитации или организовать студентов на решительную борьбу против нее или хотя бы сообщить в местную партийную организацию о положении в техникуме, я молча мирился с этой контрреволюционной деятельностью двух преподавателей техникума, т.е. об^ъективно стал соучастником этого позорного злодеяния против советского народа. Я это считаю тяжким преступлением. После распада «литературного кружка» в Ленинграде к концу 1926 г. я за все время моей педагогической деятельности в Бальцере и первые годы своей работы в Энгельсе не был связан с какой-нибудь контрреволюционной организацией. Но тем не менее вышеизложенный факт говорит о том, что я и в эти годы остался кулацким националистом, что я не сумел преодолеть разлагающее действие того яда, который я впитывал в родной семье, а потом в «литературном кружке» Шелленберга и в немецких клубах в Ленинграде.

Летом 1931 г. я по решению бюро ОК ВКП/б/ был переведен в Энгельс на должность ответственного секретаря Ассоциации Пролетарск<их> Писателей АССР Немцев Поволжья, которая была организована в начале 1931 года. В качестве секретаря Ассоциации П.П. АССР НП я редактировал литературные страницы газеты «Нахрихтен», которых в 1931 и 1932 г. вышло примерно 22. Здесь в редакции «Нахрихтен» я в 1931 г. познакомился с начинающим поэтом и драматургом Андреасом Адамовичем Заксом. Вскоре я заметил в его литературном творчестве – в его мертвых стихах и очерках – националистические тенденции; Закс с большой охотой применял диалект, распространенный в его родном кантоне на нагорной стороне Немреспублики. По существу эта его склонность переключалась с теми антисоветскими взглядами и делами, которые порождались в «литературном кружке» Шелленберга. На этой констатации одной особенности литературного творчества Закса между ним и мной наверное и кончилось бы без дальнейших последствий, если бы не произошло мое роковое знакомство с Вебером. С бывшим народным комиссаром просвещения АССР Немцев Поволжья, Ал. Вебером я познакомился в 1933 г. Летом 1934 г. Вебер завербовал меня в подпольную контрреволюционную фашистскую организацию, орудовавшая в Немреспублике. Он дал мне знать, что эта организация ставит себе задачей, путем возбуждения и развития шовинистических кулацко-националистических чувств у немецкого населения АССР-НП и разжигания национальной вражды бороться против советской культурной революции, а в дальнейшем, при возникновении соответствия обстоятельств: войны, интервенции или другого

события, ввергающее советскую страну в затруднения, способствовать свержению советской власти. Чтобы рассеять мой страх и мои сомнения, Вебер мне называл руководителями этой организации Вельша и Фрешера. Из членов организации он называл только своего друга Вормсбехера (работавшего в Коммузе), но он меня с ним не связывал. Я понял, что большое знакомство члена подпольной контрреволюционной организации с другими ее членами не желательно.

Вебер мне дал задание, осторожно, но упорно прививать писателям Немреспублики кулацко-националистические взгляды и вызвать в них стремление, своими произведениями воспитать читательские массы в национально-шовинистическом, контрреволюционном духе. Дальше я от Вебера получил задание, после соответствующей подготовки завербовать из среды интеллигенции людей в нашу организацию, соблюдая при этом необходимую осторожность и осмотрительность.

Самым подходящим объектом для обработки и вербовке в дальнейшем я считал А. Закса. Как уже сказано выше, Закс охотно пользовался диалектом; поддерживал своим литературным творчеством реакционные элементы в развитии языка, в культуре. Со временем я заметил в его творчестве еще одну особенность, которая могла стать полезной для нашей вражеской организации: Закс охотнее всего обрабатывал деревенские предания, шутки и разные истории, не обращая при этом особого внимания на их содержание, лишь бы они были смешными. Следствием этого очень часто было то, что он своей проблематикой и относительно художественным уровнем своего произведения не выбрался из деревенской ограниченности, т.е. не способствовал культурному росту читателей. Я его неоднократно упрекал как за применение диалекта, так и за выбор тематики. Но это была лживая, показная «критика»; одновременно я ему говорил и о том, каким хорошим литературным средством может быть диалект, если пользоваться им умело. Тоже самое я ему говорил о его излюбленной тематике. Этим я преследовал двоякую цель: я хотел, чтобы он сохранил те качества, которые были на руку контрреволюционной организации, и чтобы он не скомпрометировался перед читательской массой.

О ходе этой моей контрреволюционной работы я информировал Вебера при наших встречах в его квартире или в других местах. В время одной из таких встреч я рассказывал Веберу, что было с Д. Шелленбергом на конференции немецких писателей в Москве в 1933 г. Там на конференции я видел Шелленберга впервые после нашего расставания в 1925 г. Он в это время уже работал в Харькове, в редакции немецкого литературного журнала «Дер Штурмшритт». О ленинградском «литературном кружке» нам говорить не приходилось, но из выступления Шелленберга я понял, что он остался тем же, и что он пошел еще дальше. Шелленберг на этой конференции прочел мистическое стихотворение «Кролик», которое представляло не что иное, как гладкостью своей формы подкупающее подражание такого же мистического стихотворения «Тигр» германского национал-фашистского поэта Рильке. Защиту «преимуществ» стихотворения «Кролик» со стороны самого автора и со стороны литературоведа Корнелиуса Мартенса, моего двоюродного брата (проживает в Москве, Неглинная ул. 14, кв. 15, комната 19) я понял как призыв, ориентироваться на национал-фашистских писателей Германии. Вебер знал стихотворение «Кролик» из журнала «Дер Штурмшритт». Он выразил свое довольство моим сообщением и одобрил ориентацию на фашистских писателей, но практических заданий не давал.

Я продолжал обрабатывать Закса, и уже в 1937 г., когда Закс был исключен из партии за связь с разоблаченными врагами народа (бывшим сотрудником газеты «Нахрихтен» Вокуным и своим другом Кернером – бывш. работником ОК ВКП/б/), а потом восстановлен со строгим выговором, я рассказывал ему, что в Немреспублике существует контрреволюционная, фашистская организация и какие цели она себе ставит. Поработав своей литературной деятельностью уже в пользу этой организации, он согласился стать ее членом, т.е. продолжать свою литературную работу в прежнем духе и при возможности завербовать новых членов. После ареста Вельша и Фрешера, которых я называл ему как руководителей подпольной фашистской организации, как мне в свое время сообщил Вебер, и что он, как теперь оказалось, уже знал со слов Кернера, мы о делах контрреволюционной организации говорили лишь очень редко и то лишь намеками, так как мы поте-

ряли всякую связь и боялись последствий нашей контрреволюционной работы. Также еще в 1937 г. я начал обрабатывать молодого поэта Герберта Генке, чтобы завербовать его. Как я заключал из известных мне литературных произведений Генке, он был националистически настроен. Я ему льстил, указывал ему при каждом удобном случае на образцы германской националистической поэзии, в частности на стихотворение «Тигр» упомянутого Рильке и на высокое литературное мастерство Шелленберга. Дальше я поощрял Генке в его хотя и не особенно резко выраженную, но все же явно заметную неприязнь к русской классической поэзии. Это я делал с предельной осторожностью и в туманной форме. Генке лишь очень туго поддавался моим враждебным, контрреволюционным внушениям, и так как я его знал как скрытного человека, я опасался стать слишком откровенным и в конце концов отстал от своего намерения завербовать его. Этому исходу начатой мной контрреволюционной затее способствовали два обстоятельства: 1.) моя растерянность и моя боязнь после ареста Вельша и Фрешера и 2.) крайняя непопулярность этих лиц, которые по распространившимся после их ареста слухам пали до того, что даже воровали: устраивали себе за счет народных средств роскошную, барскую жизнь. Судя по мне и по Заксу, члены подпольной фашистской организации в Немреспублике после ареста Вебера, и особенно Вельша и Фрешера совершенно потеряли голову. Я одно время, вскоре после ареста Вельша и Фрешера попытался связаться с Ив. Ник. Беллендиром, работавшем в свое время преподавателем Немпединститута, которого я, судя по его мнению о Вебере и по случайным и неясным замечаниям Вебера о нем мог считать членом подпольной контрреволюционной организации. Однако я не мог решиться сказать Беллендиру, что я член этой организации, а с ним дело, очевидно, обстояло так же. Он мне лишь жаловался на то, что он якобы невинно страдает за лиц, арестованных в Немпединституте; Беллендир одно время работал парторгом в институте, а потом был исключен из партии. Я ему также жаловался; за связь с Вебером я имел строгий выговор от первичной парторганизации «Нахрихтен». После этого я уже не предпринимал каких-либо попыток к восстановлению связи с членами подпольной фашистской организации; я превратился в жалкого человека, пребывавшего в вечном страхе.

Для изложения другой части своей подпольной контрреволюционной деятельности я должен опять вернуться к 1934-1935 г.

В 1931 г. для учебы в Немпединституте в Энгельс приехал мой двоюродный брат, Генрих Иванович Классен. В течении 1931 и 1932 гг. я встречал его очень редко, так как он помимо своей учебы работал еще диктором Энгельсского радиотрансляционного узла, переводчиком в газете «Нахрихтен» и, если не ошибаюсь, одно время также сотрудником аппарата Наркомпроса. В 1933, особенно 1934 г. он был свободнее и мы встречались чаще. Я знал Классена как кулацкого националиста до мозга костей, но помню указания Вебера о необходимой осторожности, я не решался говорить Классену о подпольной контрреволюционной организации, в которую я был завербован в 1934 г. О Вебере я с ним говорил неоднократно, я старался дать ему понять, что я Вебера знаю не только в качестве наркома. Классен в свою очередь отзывался о Вебере очень лестно, но знает ли он настоящей роли Вебера или нет, я в 1934 г. установить не мог.

В 1935 г. осенью, когда я собирался в очередной отпуск, Классен пригласил меня в одном письме к себе в Крым, село Спат (возле ж/д. станции Сарабуз), где он работал учителем средней школы. О моем намерении, поехать туда узнал Вебер. Он мне сказал, что Классен «наш человек» и дал мне задание, рассказать ему, как работает подпольная контрреволюционная организация в Немреспублике и узнать, что Классен там делает. О себе я Классену рассказал, как я обрабатываю Закса для поставки кулацко-националистической литературной продукции и чего я в этом отношении достиг. В связи с этим Классен мне сказал, что в его школе есть два «литературно одаренных» ученика. Он просил меня помочь ему завербовать их в подпольную контррев. организацию, так как это для меня будет легче и менее опасно чем для него. С одним из этих учеников я потом имел непродолжительную беседу по поводу его стихов. Я старался, найти в этих стихах как можно больше достоинств, чтобы польстить молодому автору; я думал обрабатывать его таким же образом как я обрабатывал Закса. Я хотел привлечь его для сотрудничества в литературном журнале

«Дер Кемпфер», а в дальнейшем завербовать его в контрреволюционную организацию. Из этого однако ничего не вышло; мы больше не виделись и этот ученик мне никогда не писал.

О Вебере я Классену рассказал, что он как нарком просвещения Немреспублики в школах форсирует изучение немецкого языка в ущерб изучению русского языка. При этом (это было до разговора о Заксе и о возможной завербовке двух учеников Классена) Классен мне говорил, что он тоже член подпольной контрреволюционной организации, что он Вебера считает своим руководителем и в своей школе ведет контрреволюционную работу по его (Вебера) примеру. Тогда же Классен мне сказал, что Корней Корнеевич Винс, заведующий Спатской средней школы, видный член подпольной контрреволюционной организации, который в школе работает так же как и он сам. Третьим членом подпольной немецкой контрреволюционной организации в Крыму Классен называл бывшего учителя, а в то время студента Симферопольского Пединститута, Якова Дридигера. Дридигера я в Спате видел лишь один раз и то мельком. О контрреволюционной организации с ним не говорил.

По возвращении в Энгельс я Веберу передал содержание моих разговоров с Классеном.

Классен показывает, что я его снабжал шпионскими материалами. По этому поводу я заявляю, что разговора о необходимости собирать и кому-то передать сведения шпионского характера у меня никогда не было, ни с Классеном, ни с Вебером или Заксом. Очевидно соответствующее показание Классена основано на следующем. В 1932 г. весной я по командировке редакции «Нахрихтен» на один день поехал в лагерь Энгельсского полка вблизи станции Татишево. Этот лагерь тогда еще только оборудовался. Я там был в клубе (палатка), где я помогал переписывать материал для красноармейской стенной газеты, был в кухне (под навесом), куда меня сопровождал завклубом. Отсюда я вместе с знакомым командиром, Гергардом Краном (мой односельчанин) в лесок, где красноармейцы вверенного ему подразделения как раз выкорчевывали пни из вновьпроведенной дороги, по краям которой стояло уже несколько палаток и где собирались разбить их еще несколько. Отсюда Кран пошел со мной к командиру-кавалеристу, Сапаловичу (если мне не изменяет память). Этот командир показал нам свою лошадь, отличившуюся на состязаниях, и пирамиду с недавно чищенными шашками; люди его были где-то заняты.

Когда Кран, Сапалович и я отсюда пошли в близлежащую деревушку, где находилась столовая командного состава, я видел несколько небольших групп красноармейцев с винтовками. Они возвращались с занятий. Я ночевал в палатке командира Крана, вместе с ним и одним из его помощников. На другой день я вернулся в Энгельс. Здесь я написал очерк о красноармейцах, устроившихся на лето. Этот очерк был напечатан в газете. О виденном мной в лагере я рассказывал сотрудникам редакции, рассказывал я об этом и Классену. Но мне не понятно, почему Классен квалифицирует этот факт как сообщение ему шпионских материалов; я в лагере не интересовался такими данными, которые могли бы быть полезны какой-нибудь контрразведке, и не собирал такие данные.

В конце 1933 или в начале 1934 г. я вместе с умершим поэтом Иоганнесом Шауфлером и Александром Дельвой (художник, до последнего времени проживал в Маркштадте) поехал в Сталинград на краевую конференцию писателей. Среди сталинградских делегатов этой конференции был один из ответственных работников (зам. редактора, или отв. секретарь) многотиражки сталинградского тракторного завода, Цыбин или Цыбена. Он пригласил нас на экскурсию в завод и достал нам пропуска. Прийдя на завод, мы сперва пошли в помещение редакции. Здесь мы встретили Вилли Ставского, эмигранта из Берлина, друга Шауфлера и Дельвы. До этого Ставский работал в Энгельсе в редакции газеты «Нахрихтен», а в то время, о котором идет речь, он работал в редакции многотиражки С.Т.З. в качестве переводчика с русского на английский язык; газета обслуживала и американских рабочих, работавшие в это время на заводе. Вместе с Цыбиным и Ставским мы прошли по следующим цехам завода: сборочный – большой и малый конвеер, кузнечный, формовой и инструментальный. Когда мы вышли из последнего цеха и прошли через двор к выходу, Ставский указал на неоконченные еще корпуса в стороне и сказал: «В эти цеха никого не пускают. Очевидно они имеют оборонное значение; здесь наверное будут делать танки».

О нашей экскурсии в С.Т.З. я как-то рассказал Классену, сказал я ему и об этом замечании Ставского, но разговора о том, что это шпионские сведения, не было. Такого разговора у меня вообще ни с кем не было, я никогда не получал и не выполнял такие задания и никогда не подозревал, что Классен такими материалами интересуется.

Будучи в 1935 году в Крыму, я однажды утром поехал в Евпаторию. По дороге туда я из окна вагона далеко в море увидел 3 или 4 больших судна. Я их принял за военные суда, но были ли они на самом деле таковыми, я и сейчас утвердить не могу; эти суда были видны лишь очень неясно и видел я их может быть в течении одной, двух минут. Это было в районе курорта Сакки, который расположен на порядочном расстоянии от ж/д. линии. В Евпатории я был на пляже и увидел у причала один маленький грузовой катер, который меня не интересовал. Вечером того же дня я опять был в Спате. Я рассказал о виденном мной, сказал так-же, что я принял упомянутые 3 или 4 суда за военные суда, но мне и в голову не приходило, что я этим сообщением могу услужить или удивить кого-нибудь. О шпионаже и здесь не было даже намека.

К концу моего пребывания в Крыму Классен, еще один учитель из Спатской школы, кажется Ваал, и я в выходной день поехали в Симферополь Севастополь. Мы договорились, посмотреть «Панораму Севастопольской обороны», раскопки древнего города Херсонеса или Балаклавскую бухту. «Панораму» мы посмотрели. По пути туда мы в Севастопольской бухте, вблизи вокзала увидели 2 подводных лодки. Но разговора о них было не больше, чем замечание, что это по всей вероятности есть подводные лодки; мы их видели на довольно большом расстоянии. После осмотра «Панорамы» мы узнали, что добраться до раскопок Херсонеса не так легко, а в Балаклаву можно поехать трамваем. Предложение поехать туда, сделал Классен или Ваал, указывая на живописный вид скалистого берега моря у входа в бухту, мы поехали. По дороге туда мы в трамвае познакомимся с летчиком, находившемся в отпуску, так что мы по Балаклаве ходили в четвером. Первым делом мы поднялись на «утесы» – на береговые скалы у входа в бухту. На этих скалах стоят развалины старинной генуэзской крепости. Я помню, мы говорили здесь о роли этой крепости и бухты в давно прошедшие времена для торговых судов, ищущие убежища от пиратов. Дальше разговор перешел к якобы утонувшему здесь во время «Севастопольской обороне» «Черном принце», английскому пароходу, который вез жалованье английским солдатам. На обратном пути мы искупались в бухте, зашли на базар а оттуда в столовую, где мы все вместе выпили 2 бутылки вина и пообедали. После обеда мы поехали обратно в Севастополь. Вечером мы гуляли по главным улицам города, а ночевать пошли к учителю-татарину, школьному товарищу Ваала. Если не ошибаюсь, этот учитель по специальности был или физик, или математик, но его коньком был вопрос о причинах землетрясений и мерах борьбы с ними. Он показывал нам целые коллекции фотографий, изображающие различного вида разрушения, произведенные землетрясениями в Крыму. В этих разговорах прошел вечер. Утром Классен и Ваал вернулись в Спат, а я автобусом поехал по южному берегу до Ялты. В Ялте я переночевал в общежитии «Турист». Утром я на катере поехал в Алушту, а оттуда автобусом обратно в Симферополь, и дальше поездом до ст. Сарабуз, в село Спат. Так прошла эта поездка. Мне не ясно, какой именно эпизод из этой поездки Классен мог обозначить попыткой к собиранию шпионских сведений. Помню, по пути из Симферополя в Севастополь было вот что: когда поезд подъезжал к Севастополю, проводник прошел по вагону и закрывал окна. На вопрос одного из пассажиров, зачем он это делает, проводник ответил: «Пограничная зона, разве не знаете?» Ваал или Классен, не помню, кто из них, после этого сказал мне: «Сейчас начнутся туннели».

Г. Завацкий

<Принял?> Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезопасности Горбанос

Л.д. 35.

Давид Генрихович Шелленберг происходил из семьи сельского учителя. Этого я, однако, достоверно не знаю. По моему он поступил в Немпедтехникум в 1924 г. Приехал он из Молочан-

ска (Гальбштадт). В 1926 году он бросил Немпедтехникум и уехал из Ленинграда в Москву, где он работал в литературном отделе Немецкой Центральной Газеты («DZZ»). Приблизительно с 1929 года он работал в Харькове в редакции редактором немецкого литературного журнала «Дер Штурмшритт». С этой работы он был снят в 1933 году. После этого он одно время жил в Москве как писатель-профессионал. В 1935 г. я услышал, что он арестован в Харькове.

С Шелленбергом я встречался в 1926 г. Потом в 1933 году на конференции немецких писателей в Москве, осенью 1934 во время I Всесоюзного Съезда сов. писателей, тоже в Москве и в начале 1935 или в конце 1934 г. здесь в Энгельсе; он приезжал в Немгосиздат с рукописью романа. <приписка:> для заключения договора об издании своего романа.

Г. Завацкий.

13/ХІ-1938 г.

<Принял?> Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп<асности> Горбанос

Л.д. 36-41.

О Ленинградском Немецком Клубе («Deutscher Kulturverein = Немецкое Культурное Общество»)

Когда Немпедтехникум осенью 1925 г. был переведен из Москвы в Ленинград, менялся и его преподавательский состав; преподаватели набирались из научных сил Ленинграда. Среди этих новых преподавателей самыми «видными» были проф. Вульфус и проф. Клейненберг. В техникуме Вульфус в обращении со студентами проявлял какой-то показательный «демократизм», какое-то подкивающее панебратство; слово «товарищ» его тут не шокировало, он «мило» шутил, бывал иногда на студенческих вечерах и изображал польщенного кавалера, если какая-нибудь из студенток приглашала его на вальс, он даже рассказывал анекдоты и всячески старался доказать, что ему среди советской молодежи очень весело.

Почти с первых же дней он стал приглашать студентов техникума в «Немецкий Клуб» («Deutscher Kulturverein»). Студенты ходили туда группами. Здесь в «Немецком Клубе» Вульфус был совершенно другим; здесь он держался как «человек высшего общества», между ним и студентами, с которыми он так любезничал в техникуме, здесь сразу появилась какая-то «стеклянная стена». Члены «Немецкого Клуба» так и льнула к нему; его появление вызывало неистовый восторг, кругом только и слышалось «Ах, профессор Вульфус <...> выступает господин проф. Вульфус <...> шать его!» и т.д. в этом роде. <...> Вульфус официальным руководителем «Немецкого Клуба», но что он был фактическим его руководителем, его душой, это сразу понял каждый, кто хоть один раз побывал в этом клубе.

Вся обстановка в Клубе, его атмосфера, удручающе действовала на лучшую часть студенчества. Слово «товарищ» в этом клубе не только избегалось, но с подчеркнутым отвращением отвергалось. То и дело здесь слышалось обращение «господин», «мадам» и «фрейлейн». «Дам», ходивших в Клуб, нельзя было представить себе без лорнета. Появление комсомолок из техникума, особенно если они пришли в красной косынке, их очень шокировало; они их в упор рассматривали через свои лорнеты, отворачивались с большим отвращением и делали оскорбляющие замечания по адресу «этих простолудинок», при чем они это делали так, чтобы девушки из техникума это услышали.

Из всей этой обстановки и из того, что наши студенты говорили, я уже тогда понял, что этот «Клуб» не какое-нибудь культурное учреждение, а место сборища старой контрреволюционной буржуазной интеллигенции. Насколько я знаю, члены этого клуба были профессора, доценты, инженеры, врачи и т.д. Я этого не хочу доказать, но судя по всему среди них было не мало предателей распозавшейся по «щелям» буржуазии. *Г. Завацкий*

13/ХІ 38 г.

<Принял?> Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп<асности> Горбанос

Л.д. 38.

О «Немецком Рабочем Клубе» в Ленинграде.

О контрреволюционной деятельности этого клуба мне известно следующее: германские эмигранты, составляющие основную массу его членов, всячески вбивали студентам в голову, что Советской России очень далеко до «культурной и благоустроенной Германии». На вечерах, на которых все студенты общались с эмигрантами, за бутылкой пива очень часто слышались из уст эмигрантов такие выражения: «Вы бы посмотрели на образцовый порядок в Германии!» «Берлин, да, вот это город!» «Вы бы посмотрели на германскую культуру. Та рабочие одеваются лучше чем ваши преподаватели» или «У нас в Германии когда работают, так уж действительно работают! А тут у вас что? Русский народ не любит работу и не привык к порядку и чистоте» и т.д. О пролетарской революции большинство араторов обычно говорило в таком тоне, якобы она по существу и еще не началась. По моему это делалось с той целью, чтобы умалить великие победы Октябрьской революции в глазах студентов.

Помимо этого эмигранты своим поведением и своей агитацией старались разлагать и в бытовом отношении; они не редко пьянствовали в клубе. На одном новогоднем вечере, на котором присутствовало много матросов с иностранных пароходов, был такой случай. Поздно, когда все участники уже изрядно выпили, кто-то сообщил, что пароход, с которого еще накануне группа матросов на вечере, утонул в Финском Заливе. После этого один из эмигрантов с бутылкой в руках встал на стул и кричал: «Такова наша жизнь; сегодня мы живем, а завтра умрем. так давайте же пить и веселиться!»

Г. Завацкий.

13/ХІ-38 г.

<Принял?> Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп<асности> Горбанос

Л.д. 39–41.

Вебер завербовал меня в подпольную контрреволюционную организацию в Немреспублике в 1934 г., весной. Я знал Вебера как преподавателя Немпединститута, а потом как наркома просвещения, но ближе я с ним познакомился уже позже, примерно во II^{ой} половине 1933 года. Вебер наверное замечал мои кулацко-националистические настроения в <и> взгляды, и при всяком удобном случае он затеял разговоры, в которых мы высказывать свои взгляды и развивать и укрепить мои взгляды в желательном для него направлении. Излюбленной темой этих разговоров была литература, немецкий язык и в час<т>ности диалекты немецкого языка. Он с большим восторгом говорил о старой поэме некоего Куфельда «Песня о кюстере Дейсе» («Das Lied vom K ster Deis»), в которой автор в националистически-шовинистическом духе повествует о прошлом немецких колонистов Поволжья. Немцы колонисты в этом произведении изображаются как мирные и трудолюбивые люди, а их соседи, казахи – как дикие, кровожадные звери, которые напали на колонистов, убивали их, или продовали их в рабство. Кюстер Дейс показан как мудрый и добродетельный глава колонистов, у которых якобы не было никаких различий в положении и в интересах. Дальше мы говорили о достоинствах немецкого языка, о его богатом разнообразии, о диалектах немецкого языка. На эту тему Вебер мог говорить часами. Диалекты он рассматривал как доказательство живучести национальной культуры немцев, как проявление их самобытности. Вебер неоднократно высказывал сожаление о том, что диалекты под воздействием культурной революции все больше стушуются и радовался, когда диалект применялся в произведениях писателей Немреспублики. Я понимал, что Вебер цепляется за отмирающие элементы кулацкой, националистической культуры, искусственное оживление которых в определенной мере может помешать культурному росту немцев Поволжья, может помешать их приближению к социали-

стическому культурному строительству и о<t>чуждать их от русского народа, должно развивать в них националистические, шовинистические чувства и стремления. На этой почве я все больше сблизился с Вебером. Чтобы подготовить меня окончательно к завербовке, Вебер пускал в ход и более примитивные приемы. Он льстил мне, хваля мои первые литературные произведения, и выставляя на показ свою дружбу со мной. Особенно заметно он это сделал летом 1934 г. во время республиканской ученической олимпиады, которая проводилась в летнем театре. В летнем театре тогда выступала труппа московского детского театра, руководимого артис<t>кой Наталией Сац. Руководитель В жюри олимпиады выбиралась художественная руководительница этой труппы, фамилии которой я не помню. И вот Вебер перед всей массой учеников и перед московскими гостями выдвигал в жюри и мою кандидатуру, отрекомендовав меня как писателя Немреспублики. Мне это было очень лестно. Во время выступлений участников олимпиады он обратил особое внимание на народные песни и танцы, ярче других отражающие национальную сторону культуры немцев Поволжья. При этом он в каждом случае спрашивал и моего мнения. Я ему поддакивал. Во время перерывов мы вместе гуляли по парку, на виду у ученической массы.

После окончания олимпиады мы вместе пошли домой; я жил на ул. им. Персидского, он на бывшей Новоузенской. Это было под вечер. На улицах было мало людей. Мы говорили об олимпиаде, а потом о культуре немцев Поволжья вообще. Вебер говорил о том, что постарается подготовить следующую олимпиаду еще лучше, чтобы показать Немреспублику так сказать во всем блеске своей национальной самобытности. Я сказал ему, что это было бы очень желательно. И вот тогда он стал говорить со мной откровенно. Он сказал, что в Немреспублике существует подпольная контрреволюционная организация, которая ставит себе задачей вести националистическую пропаганду, развивать и укреплять национальную буржуазную националистическую культуру немцев Поволжья и разжигать у населения шовинистические настроения и стремления. В дальнейшем эта организация по его словам при возникновении благоприятного положения, т.е. при возникновении войны, или интервенции, или другого бедствия, ввергающего нашу страну в затруднение, собирается содействовать свержению Советской власти, которая мешает расцвету культуры немцев Поволжья. Это заявление меня ошарашило, и когда я высказывал свои сомнения и опасения, Вебер сказал мне, что руководителями этой организации являются такие люди как Вельш и Фрешер. Тогда я согласился работать по его указаниям, т.е. стать членом этой контрреволюционной организации. Из членов этой организации Вебер называл себя и своего друга Вормсбехера, преподавателя КомВУЗа. Тут же он дал мне понять, что большое знакомство члена этой организации с другими ее членами в целях конспирации нежелательно. Вебер дал мне задание, вести кулацко-националистическую пропаганду среди писателей Немреспублики, т.е. повлиять на них так, чтобы они своими произведениями воздействовали в этом именно духе на читательские массы. Одновременно он мне рекомендовал крайнюю осторожность и осмотрительность. Вебер мне так же поручил, по возможности завербовать новых <...> из среды писателей, но вести <...> подготовку, чтобы итти наверняка <...>

Я согласился выполнить <...>

13/XI-38 г.

Собственноручные показания обв. Завацкого

Принял Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп<асности> Горбанос

Л.д. 42–67.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1938 г. *Ноября 14го* дня. Я, Вр. пом. нач. 3 отд УГБ НКВД АССРНП мл лейт. госбез. Горбанос допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия	<i>Завацкий</i>
2. Имя и отчество	<i>Гергард Генрихович</i>
3. Дата рождения	<i>1901 г.</i>
4. Место рождения	<i>с. Никольское, Славгородского окр. Алтайского края</i>
5. Местожительство	<i>г. Энгельс, ул. Ленина 148</i>
6. Нац. и гражд.	<i>немец, гражданин СССР</i>
7. Паспорт	
8. Род занятий	<i>заместитель ответственного редактора литературного журнала «Дер Кемпфер»</i>
9. Социальное происхождение	<i>из крестьян середняков</i>
10. Социальное положение	
а) до революции	<i>жил при отце, занимался сельским хозяйством</i>
б) после революции	<i>учился, служащий с 1921 г.</i>
11. Состав семьи	<i>жена – Завацкая София Густавовна, прожив. в г. Энгельсе, учительница, сыновья: Эрнст 12 лет и Эрик 4 г. братья – Генрих прож. в с. Александровке Славгородского округа, работает в колхозе, Карнелиус, прож. в с. Никольское, Славгородского округа, работает в колхозе, Иван работал трактористом в Подсосновской МТС арестован, Франц прож. в с. Никольское, Давид, учится в Славгороде в техникуме.</i>
12. Образование	<i>высшее педагогическое</i>
13. Партийность	<i>быв. канд. ВКП/б/</i>
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др.	
а) до революции	<i>нет</i>
б) после революции	<i>нет</i>
15. Какие имеет награды	<i>не имеет</i>
16. Категория воинского учета-запаса	<i>рядовой, в военном столе горсовета, г. Энгельс</i>
17. Служба в Красной Армии	<i>С ноября 1919 по февраль 1920 г. санитаром</i>
18. Служба в белых и др. к-р. армиях	<i>В армии Колчака с Июля 1919 г. по Ноябрь 1919 г.</i>
19. Участие в бандах	<i>не участвовал</i>
20. Сведения об общественно-политической деятельности	<i>до ареста пропагандист</i>

Вопрос. Вы арестованы, как один из активных участников контрреволюционной фашистской организации, существовавшей в Немреспублике. Требую от вас по этому вопросу правдивых и исчерпывающих показаний.

Ответ. Поняв всю бесцельность моей борьбы с Советской властью, я решил, на первом же допросе, правдиво рассказать о своей антисоветской деятельности, которую проводил на протяжении ряда лет, чтобы этим, хотя бы несколько умалить свою вину перед Советским народом. Прежде чем приступить к изложению моей практической организованной контрреволюционной работы, проводившейся мной, как участника антисоветского фашистского подполья, я хочу остановиться на некоторых фактах предшествовавших этому.

Я вырос и воспитывался в затхлой, реакционной и фанатически-религиозной меннонитской среде, где все было пропитано враждебным отношением ко всему новому, ко всему, что принесла победа пролетарской революции. Весь быт моего родного села и вся жизнь в отцовском доме были пронизаны враждебностью к другим национальностям; кроме родного немецкого языка, ни один другой язык не был в почете. Этот яд я впитывал с детства и, впоследствии, несмотря на

окружающую меня советскую действительность, не сумел преодолеть его вредное действие. В результате я очутился в контрреволюционном фашистском лагере и стал врагом советского народа.

В 1922 г. органы советской власти послали меня на учебу, из глухой деревушки состоящей из 36 крестьянских дворов, в Москву. Вместо того, чтобы впитывать в себя только все то положительное, что Москва так щедро предоставляла всей учащейся советской молодежи, я прислушивался к разговорам и суждениям студентов, педагогов выходцев из мелко-буржуазных семей. Я мало думал об общих делах, разрешением которых были заняты миллионы и заботился только о себе, о своем личном благополучии. Наибольшее влияние на меня, из них, имел Шелленберг Давид Генрихович, имевший подготовку в объеме коммерческого училища с которым я сблизился и рассматривал его, как интеллигента «Довоенного производства».

Вопрос. Кто такой Шелленберг?

Ответ. Шелленберг Д.Г. урож. с. Молочанска Днепропетровской области, происходит из семьи сельского учителя. В 1926 году он бросил учебу в Ленинградском немпедтехникуме и выехал в Москву, где работал в литературном отделе немецкой центральной газеты «Дойче централ цейтунг». С 1929 г. он работал в Харькове редактором немецкого литературного журнала «Дер Штурмшритт». С этой работы он был снят в 1933 г. за то что пропустил в печать политически невыдержанное, кулацкое стихотворение. После этого Шелленберг жил в Москве и в 1935 году якобы был арестован в Харькове.

Вопрос. Продолжайте свои показания.

Ответ. Шелленберг уже тогда был контрреволюционно настроен. Однако его влияние на меня в полной мере сказалось в 1925 году, в Ленинграде, куда был переведен Московский немпедтехникум. Вскоре Шелленбергом была организована контрреволюционная группа, действовавшая под вывеской «литературного кружка». В состав этой группы входили:

1. Я – Завацкий Гергард Генрихович

2. Вильмс Иван Иванович – студент немпедтехникума, в 1920-21 году работал учителем в с. Никольское Славгородского Округа Алтайского края. После педтехникума работал в Ейске и Запорожье.

3. Фризен Исаак (отчество не помню) студент немпедтехникума, урож. немецких колоний Оренбургской обл. В 1929-30 г. работал педагогом в Немреспублике.

С Фризенем я встречался в 1937 г. в г. Энгельсе в кабинете директора немгосиздата. Приехал он тогда из Оренбурга с тем, чтобы сделать заказ на учебники. В этой же контрреволюционной группе состоял студент Герстенбергер. Имя и отчество не помню, но он скоро уехал и о нем ничего больше не слышал. Участники названной группы проводили контрреволюционную националистическую пропаганду среди студентов, дискредитировали комсомольцев и молодых преподавателей, закончивших свое образование при Соввласти, восхваляли буржуазную немецкую культуру и руководителей существовавшего тогда «немецкого клуба» – Вульфуса и Клейненберга.

Вопрос. Остановитесь более подробно на деятельности этого клуба.

Ответ. О деятельности «немецкого клуба» я осведомлен чрезвычайно мало. В нем я был всего один раз. Активную роль в этом клубе играл профессор Вульфус, проводивший большую работу по вовлечению студентов немпедтехникума в «немецкий клуб», являвшийся местом сборищ буржуазной интеллигенции г. Ленинграда. Слово «товарищ» в этом клубе не только избегалось, но с подчеркнутым отвращением отвергалось. Слышалось обращение «господин», «мадам» и «фрейлейн». Довольно часто я посещал «Рабочий Клуб». Основную массу его членов составляли германские эмигранты, обрабатывавшие в контрреволюционном духе студентов немпедтехникума. Они восхваляли германскую культуру и всячески вбивали студентам в голову, что Советской России очень далеко до «культурной и благоустроенной Германии». Это все, что мне известно о деятельности немецкого и рабочего клубов существовавших в г. Ленинграде.

Вопрос. Расскажите о своей последующей антисоветской работе.

Ответ. Осенью 1928 г. после окончания института им. Герцена я поехал в АССР немцев Поволжья, в г. Бальцер, где поступил на работу в школу девятилетку и в текстильный техникум. За

время моей педагогической деятельности в Бальцере и первые годы своей работы в г. Энгельсе я в каких-либо контрреволюционных формированиях участия не принимал. Но тем не менее я был антисоветски настроен и не освободился от националистических убеждений, которые привились во мне в «Литературном кружке» Шелленберга и в немецких клубах в Ленинграде.

Летом 1931 года, решением бюро обкома ВКП/б/ я был переведен в Энгельс на должность ответственного секретаря ассоциации пролетарских писателей АССР немцев Поволжья. В качестве секретаря ассоциации пролетарских писателей АССРНП я редактировал литературные страницы газеты «Нахрихтен». Здесь, в редакции «Нахрихтен», я в 1931 году, познакомился с начинающим поэтом и драматургом – Заксом Андреасом Адамовичем, работающим в настоящее время литературным консультантом в немгостеатре в г. Энгельсе. Вскоре я заметил в его литературном творчестве – в его первых стихах и очерках, националистические тенденции. Закс с большой охотой применял диалект, распространенный в его родном кантоне на нагорной стороне Немреспублики. По существу склонность Закса переключалась с теми антисоветскими делами, которые проводил я и другие участники контрреволюционной группы существовавшей в немпедтехникуме в г. Ленинграде и действовавшей под видом «литературного кружка». На этой констатации литературного «творчества» Закса между ним и мной наверное кончилось бы, без дальнейших последствий, если бы не произошло мое роковое знакомство с быв. народным комиссаром просвещения АССРНП – Вебером Александром Яковлевичем, который завербовал меня в контрреволюционную фашистскую организацию орудовавшую в Немреспублике.

Вопрос. Когда и при каких обстоятельствах вы были вовлечены в контрреволюционное фашистское подполье Вебером?

Ответ. Вебера я знал, как преподавателя немпединститута, а потом, как наркома просвещения, но ближе я с ним познакомился во 2ой половине 1933 года. Вебер видимо замечал мои кулачко-националистические настроения и при всяком удобном случае вел со мной беседы в которых высказывал свои националистические убеждения и развивал и укреплял мои взгляды в желательном для него направлении. Излюбленной темой этих разговоров была литература, немецкий язык, и в частности диалекты немецкого языка. Он с большим восторгом говорил о старой поэме некоего Куфельда «Песня о кюстере Дейсе», в которой автор в шовинистическом духе повествует о прошлом немецких колонистов Поволжья. Вебер неоднократно высказывал сожаление о том, что диалекты немецкого языка под воздействием культурной революции все больше ступовываются и радовался, когда он применялся в произведениях писателей Немреспублики. Я понимал, что Вебер цепляется за отмирающие элементы националистической культуры, искусственное оживление которых в определенной мере может помешать культурному росту немцев Поволжья и очуждать их от русского народа. В этих беседах я всегда поддерживал Вебера и разделял его контрреволюционные взгляды и на этой почве я с ним близился. Чтобы подготовить меня окончательно к вербовке в контрреволюционную организацию, Вебер пускал в ход и более примитивные приемы. Он льстил мне, хваля мои первые литературные произведения и выставлял на показ свою дружбу со мной.

Особенно заметно Вебер это сделал летом 1934 года во время республиканской ученической олимпиады проводившейся в летнем театре в г. Энгельсе, где выступала труппа московского детского театра. Вебер, тогда, перед учениками и московскими гостями выдвигал в жюри и мою кандидатуру, отрекомендовав меня, как писателя Немреспублики. После окончания олимпиады мы вместе пошли домой. Вебер пригласил меня к себе на квартиру и тогда же, рассказал мне о том, что в Немреспублике существует контрреволюционная фашистская организация и предложил мне примкнуть к ее деятельности.

В начале я высказал свое опасение, но после того, как Вебер назвал мне руководителей этой контрреволюционной организации, – быв. председателя ЦИКа АССРНП – Вельша и быв. секретаря обкома ВКП(б) – Фрешера я, на предложение Вебера, ответил согласием.

Вопрос. Какие задачи ставила перед собой ваша контрреволюционная организация?

Ответ. Как одну из основных и главных задач наша контрреволюционная фашистская орга-

низация ставила себе целью, – свержение советской власти и восстановление буржуазного строя. Этого, сказал Вебер, мы должны достичь путем проведения контрреволюционной пропаганды среди немецкого населения и разжигания национальной вражды, создания контрреволюционных кадров, которые должны будут в военное время организовать и возглавить антисоветские выступления и оказать действенную помощь интервентам в свержении Советской власти.

Вопрос. Назовите известных вам участников контрреволюционной организации.

Ответ. О составе нашей антисоветской фашистской организации я осведомлен очень мало, так как в разговоре с Вебером, по этому вопросу, он дал мне понять, что большое знакомство участники этой организации с другими ее членами, в целях конспирации нежелательно. Как я показал уже выше, Вебер назвал мне, как руководителей нашей контрреволюционной организации, Вельша и Фрешера. Несколько позже Вебер мне сказал, что участником этой организации является его друг Вормсбехер (имя и отчество не знаю) работавший преподавателем в комвузе (арестован).

Вопрос. С кем из перечисленных вами лиц вы были связаны по контрреволюционной работе?

Ответ. По контрреволюционной работе я был связан только с Вебером, под руководством которого протекала вся моя антисоветская деятельность.

Вопрос. В чем конкретно выражалась ваша контрреволюционная деятельность.

Ответ. В соответствии с указаниями Вебера я прививал писателям Немреспублики (Заксу, Генке и др.) буржуазно-националистические взгляды и вызывал в них стремление своими произведениями воспитывать читательские массы в шовинистическом контрреволюционном духе. Кроме того, Вебер дал мне задание, после соответствующей обработки, вербовать из среды интеллигенции людей в нашу организацию, соблюдая при этом необходимую осторожность и осмотрительность.

Вопрос. Что вами было выполнено по этому вопросу?

Ответ. Самым подходящим объектом для вербовки в нашу контрреволюционную фашистскую организацию я считал Закса Андреаса Адамовича. Как я показал выше Закс своим литературным творчеством поддерживал реакционные элементы в развитии языка, в культуре. В 1937 году Закс был исключен из рядов ВКП/б/ за связь с разоблаченными врагами народа – быв. сотрудником газеты «Нахрихтен» Вокуным и быв. работником обкома ВКП/б/ Немреспублики Кернером. Впоследствии Закс был восстановлен в партии со строгим выговором. В связи с исключением его из партии Закс, в беседе со мной, высказывал свое недовольство. Воспользовавшись этим я, летом 1937 года, в одной из бесед, происходившей в редакции, в моем рабочем кабинете, прямо поставил вопрос перед Заксом о том, что политика коммунистической партии и Советского правительства направлена на ущемление интересов немецкого населения и, что в связи с этим необходимо вести работу направленную к свержению существующего в СССР государственного строя.

Тогда же я рассказал Заксу о том, что в Немреспублике существует контрреволюционная фашистская организация и предложил ему принять участие в ее деятельности. Проинформировав Закса о задачах нашей организации я сказал ему, что он своей литературной деятельностью уже принес ей большую пользу. Получив от Закса согласие на участие в нашей контрреволюционной фашистской организации, я предложил ему проводить своим литературным творчеством антисоветскую националистическую пропаганду и по возможности расширять состав нашей организации за счет вербовки новых лиц.

Вопрос. Кого Закс знает, как участников организации и с кем из них он был связан по контрреволюционной работе?

Ответ. При вербовке я назвал Заксу, как руководителей нашей фашистской организации Вельша и Фрешера, но с ними он не был связан.

Вопрос. Вы показали выше, что Заксу вы дали задание вербовать людей в контрреволюционную организацию. Что практически было им сделано в этой области.

Ответ. О его вербовочной деятельности мне ничего не известно.

Вопрос. Кого, кроме Закса, вы завербовали в контрреволюционную организацию?

Ответ. В начале 1937 года я начал обрабатывать молодого поэта Генке Герберта (отчество не помню) работающего в настоящее время в редакции литературного журнала «Дэр Кемпфер». Как я заключил из известных мне литературных произведений Генке, он был националистически настроен. Я льстил Генке, указывал ему при каждом удобном случае на образцы германской националистической поэзии, в частности на стихотворение «Тигр» и на высокое литературное мастерство Шелленберга. Дальше я поощрял Генке в его хотя и не особенно резко выраженную, но все же явно заметную неприязнь к русской классической поэзии. Это я делал с предельной осторожностью и в туманной форме. Генке очень туго поддавался моим контрреволюционным внушениям, поэтому я опасался стать слишком откровенным и в конце концов отстал от своего намерения завербовать его. Этому исходу начатой мной контрреволюционной затеи способствовало моя растерянность и боязнь после ареста Вельша и Фрешера.

Вопрос. Расскажите с кем Вы, кроме Вебера были связаны по контрреволюционной работе?

Ответ. В 1931 году в непединституте в г. Энгельсе учился мой двоюродный брат Классен Генрих Иванович. Помимо своей учебы он работал еще диктором Энгельсского радиотрансляционного узла, переводчиком в газете «Нахрихтен» и, если не ошибаюсь, Классен одно время являлся сотрудником наркомпроса. Классена я знал, как буржуазного националиста до мозга костей и в беседе со мной, в 1934 г. он очень лестно отзывался о Вебере. О принадлежности Классена к контрреволюционному фашистскому подполью и его связи по антисоветской работе с Вебером, мне до 1935 года не было известно. В 1935 году, осенью, когда я собирался в очередной отпуск, Классен, в одном письме, пригласил меня к себе в Крым, село Спат (вблизи ж-д станции Сарабуз) где он работал учителем средней школы. О моем намерении поехать в Крым к Классену узнал Вебер. В разговоре со мной по вопросу моей предстоящей поездки в Крым, Вебер предложил мне сказать, что Классен «наш человек» и предложил мне связаться с ним, как одним из руководителей контрреволюционной фашистской организации существующей в Крыму, проинформировать его о деятельности нашей организации в Немреспублике и узнать какую контрреволюционную работу ведет Классен и другие участники организации. С этими контрреволюционными заданиями я, осенью 1935 года, поехал в Крым.

При встрече с Классеном я ему передал суть моего разговора с Вебером и рассказал ему о деятельности нашей антисоветской фашистской организации в Немреспублике, что Вебер, пользуясь своим служебным положением в школах форсирует изучение немецкого языка в ущерб русского, что в Немреспублике создаются контрреволюционные кадры для активной борьбы с Советской властью. Классен мне сказал, что он по примеру Вебера ведет аналогичную антисоветскую работу в Крыму. Как активных участников контрреволюционного фашистского подполья существующего в Крыму, Классен мне назвал следующих лиц:

1. Винса Корнея Корнеевича – заведующего спатской средней школы.
2. Дридегера Якова (отчество не знаю) быв. студента Симферопольского пединститута.

В Крыму, в селе Спат, я прожил 3 недели, после чего возвратился в Энгельс.

Вопрос. Вы ничего не рассказали о своей шпионской и террористической деятельности. Требуя от вас по этому вопросу правдивых показаний.

Ответ. Шпионско-террористической работой я не занимался.

Вопрос. Неправда! Вы скрываете от следствия свою шпионскую и террористическую деятельность. По этим вопросам вы будете дополнительно допрошены. <...>

Допросил В. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбезоп. *Гарбонос*

Л.д. 69-72.

Протокол дополнительного допроса
обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 29го ноября 1938 года

На допросе 14го ноября 1938 г. вы скрыли от следствия свою шпионскую и террористическую деятельность. Требуем от вас по этому вопросу правдивых показаний.

Ответ. В своих показаниях от 14/ХІ-с/г. я подробно и честно рассказал о своей контрреволюционной работе, которую проводил на протяжении ряда лет до дня моего ареста.

Я рассказал о своей связи по антисоветской деятельности с одним из руководителей контрреволюционной фашистской организации существовавшей в Немреспублике Вебером по заданию которого я в 1935 году установил связь по контрреволюционной работе с руководителем фашистского подполья Классеном в Крыму. Вместе с тем я должен заявить, что шпионской террористической деятельностью я не занимался.

Вопрос. Вы в Балаклаву ездили?

Ответ. Да.

Вопрос. С кем?

Ответ. С Классеном и Валл.

Вопрос. С какой целью вы в 1935 г. вместе с Классеном и Валл ездили в Балаклаву

Ответ. Посмотреть Бухту.

Вопрос. Неправда. Следствием установлено, что поездка в Балаклаву была связана со сбором шпионских материалов. Вы это подтверждаете?

Ответ. Нет.

Вопрос. Зачитываю вам показания Классена Генриха Ивановича от 29го июля 1938 года, где говорится: «Основной целью моей совместной поездки с Завацким в Балаклаву было, под видом экскурсий установить месторасположение берегового укрепленного района» Подтверждаете ли вы показания Классена Генриха Ивановича

Ответ. Нет, не подтверждаю. <...>

Зам. нач. 3 отд. УНКВД серж. госбезоп *подпись*

Допросили: Врид. пом. нач. 3 отд. УН<КВД> мл. лейт. госбез. *Гарбонос*

Пом. прокурора АССРНП *подпись*

Л.д. 73-74.

Протокол дополнительного допроса
обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 13го декабря 1938 года

Вопрос. Вам предъявлено обвинение по ст.ст. 58^б и 58^в УК РСФСР. Признаете себя в этом виновным?

Ответ. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как шпионской и террористической деятельностью я не занимался. Я признал себя виновным только в том, что я являлся участником контрреволюционной фашистской организации существовавшей в немреспублике и по заданиям ее руководителей занимался вербовкой лиц в названную выше организацию, вел националистическую фашистскую работу и устанавливал связь по контрреволюционной работе с руководителями антисоветской фашистской организации существовавшей в Крыму. <...>

Допросил Вр. пом. нач. 3 отд. УН<КВД> мл. лейт. госбезоп. *подпись* /Гарбонос/

Л.д. 75-82.

Протокол дополнительного допроса
обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 14го декабря 1938 года

Вопрос. В каком году вы установили связь по контрреволюционной работе с Классеном Генрихом Ивановичем?

Ответ. С Классеном Г.И. я установил связь по антисоветской деятельности осенью 1935 года, по заданию Вебера являвшихся одним из руководителей нашей контрреволюционной организации существовавшей в немреспублике. До осени 1935 года я с Классеном по контрреволюционной работе не был связан.

Вопрос. Неправда. Следствием установлено, что с Классеном вы были связаны по антисоветской деятельности с 1931 г. Почему вы это скрываете?

Ответ. Я ничего не намерен скрыть от следствия. О всей моей преступной деятельности я дал правдивые показания на предыдущих допросах. Я еще раз заявляю, что <с> Классеном, до 1935 года, по контрреволюционной работе не был связан.

Вопрос. Зачитываю вам показания обвиняемого Классена Генриха Ивановича от 29 июля 1938 года, где говорится: «...В 1931 году я выехал на учебу в государственный нем. педтехникум г. Энгельса... За время моего пребывания в г. Энгельсе я продолжал сообщать Эппу в Канаду шпионские сведения... Особенно помню меня снабжал шпионскими сведениями мой двоюродный брат Завацкий Гергардт... Завацкий систематически снабжал меня важными шпионскими данными, в частности о расположении воинских частей на территории Немреспублики, их род оружия...» Что вы можете сказать по этому вопросу.

Ответ. Это неверно. Классену я никаких шпионских материалов не давал и с ним по этому вопросу никогда не беседовал.

Вопрос. Валл Борис Корнеевич вам известен?

Ответ. Да. С ним меня познакомил в 1935 году Классен Г.И. во время моего пребывания в Крыму.

Вопрос. Следствию известно, что вы были связаны по шпионской деятельности с Вал<л> Б.К. Подтверждаете ли вы это?

Ответ. Нет.

Вопрос. Зачитываю вам показания обвиняемого Валл Бориса Корнеевича от 19го августа 1938 года, где говорится: «...Во время приезда Завацкого я, Классен и Завацкий выезжали в Севастополь разведать Севастопольский укрепленный район. Этими сведениями очень интересовался также Завацкий». Подтверждаете ли вы показания Валл Бориса Корнеевича?

Ответ. Во время моего пребывания в Крыму, осенью 1935 года, я, Валл и Классен сделали прогулку в Севастополь и Балаклаву, где мы ознакомились с городом, Севастопольской панорамой и балаклавской бухтой. Сбором шпионских материалов мы не занимались и поэтому вопросу я, Классен и Валл никаких разговоров не вели.

Вопрос. Вы знакомы с Нефф?

Ответ. Нефф (имя и отчество не знаю) мне известен. С ним меня познакомил Классен в 1935 году.

Вопрос. Какие контрреволюционные беседы вы вели с Нефф?

Ответ. С Нефф, я никаких антисоветских разговоров не вел.

Вопрос. С кем из участников контрреволюционной фашистской организации прож. в Крыму вы поддерживали письменную связь.

Ответ. В 1936 году я поддерживал письменную связь с руководителем фашистской организации существовавшей в Крыму, – Классеном Генрихом Ивановичем. В своих письмах к Классену я указывал, что я предполагаю использовать свой отпуск в 1936 году на южном берегу Крыма. В начале 1937 года я написал Классену письмо, в котором я просил его узнать мнение Мартенса Корнелиуса о моей книге.

Вопрос. Следствию известно, что ваша письменная связь с Классеном носит контрреволюционный характер. Вы это подтверждаете?

Ответ. Нет. В своих письмах к Классену я ничего контрреволюционного не излагал.

Вопрос. Когда и где вы использовали свой «отпуск» в 1936 году.

Ответ. Свой отпуск в 1936 году в октябре или ноябре м-це я использовал в Ливадии.

Вопрос. Следствием установлено, что в 1936 году вы под видом отдыха приезжали в Ливадию с террористическими заданиями. Требую от вас по этому вопросу правдивых показаний.

Ответ. Террористической деятельностью я не занимался. В Ливадии я, в 1936 году, отдыхал и никакой контрреволюционной работы не вел.

Вопрос. Зачитываю вам показания Валл Б.К. от 2/IX-1938 года где говорится: «...Нефф сообщил нам, что он договорился с председателем Союза писателей Республики немцев Поволжья – Завацким об изучении мест, где отдыхают руководители партии и Советского правительства. С этой целью Завацкий, по словам Нефф должен приехать в Крым под видом лечения. Действительно летом 1936 года Завацкий под видом отдыха приезжал в Ливадию, где тщательно изучал маршруты поездок товарища Молотова и дачи, где он отдыхал на Южном берегу Крыма. Позже Нефф получил от Завацкого, через члена организации Классена сообщения о маршрутах поездок тов. Молотова»... Дайте по этому вопросу правдивые показания.

Ответ. Никаких материалов о подготовке террористического акта против товарища Молотова я Классену не передавал и никогда террористической деятельностью я не занимался. <...>

Допросил Вр. пом. нач. 3 отд. УН<КВД> мл. лейт. госбезоп. *Гарбонос*

Л.д. 83-84.

Протокол дополнительного допроса
обв. Завацкого Гергарда Генриховича
от 27 декабря 1938 года

Вопрос. Сего числа вам предъявлено обвинение по ст.ст. 58^е, 19-58^з, 58^ю и 58^ш УК РСФСР. Признаете себя в этом виновным.

Ответ. Я признаю себя виновным в том, что я являлся участником контрреволюционной фашистской организации и в проведении антисоветской пропаганды т.е. в преступлениях предусмотренных ст.ст. 58^ю и 58^ш УК РСФСР. В предъявленном мне обвинении по ст.ст. 58^е, 19-58^з УК РСФСР виновным себя я не признаю, так как шпионской и террористической деятельностью я не занимался. <...>

Допросил Вр. пом. нач. 3 отд. УН<КВД> мл. лейт. госбезоп. *подпись /Гарбонос/*

Л.д. 85-89.

Протокол дополнительного допроса
обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 30го декабря 1938 года

Вопрос. Вы назвали всех известных вам участников контрреволюционной фашистской организации существовавшей на территории Немреспублики?

Ответ. На предыдущих допросах я показал, что по антисоветской деятельности я был связан только с Вебером Александром Яковлевичем являвшимся одним из руководителей нашей фашистской организации. Со слов Вебера А.Я. мне известно, что руководителями нашей фашистской организации являлись также быв. секретарь обкома ВКП/б/ АССРНП – Фрешер и быв. председатель ЦИК а АССР Немцев Поволжья – Вельш, но с ними я по контрреволюционной работе не был связан. Других участников нашей фашистской организации существовавшей в Немреспублике я не знаю.

Вопрос. Знаете ли вы Шпана, Роора Александра и Гейценредера Адольфа?

Ответ. Да. Шпан, Роор и Гейценредер мне известны. Шпан (имя и отчество не знаю) в 1932 или 1933 году прибыл из Германии, как политэмигрант и до 1936 года работал преподавателем Немпединститута в г. Энгельсе. В 1936 году Шпан выехал в Москву и последнее местожительство его мне не известно.

Роор Александр, насколько мне известно, происходит из г. Мариентала того же Кантона АС-СРНП, с 1931 по 1935 год учился в Немпединституте в г. Энгельсе. После окончания пединститута Роор работал в редакции газеты «Роте Югент» в г. Энгельсе и в 1936 году он был арестован органами НКВД.

Гейценредер (имя и отчество не знаю) с 1931 по 1935 год учился в Немпединституте в г. Энгельсе. После окончания института Гейценредер работал инструктором наркомпроса и в начале 1938 года он был арестован органами НКВД.

Вопрос. Что вам известно о взаимоотношениях Классена Генриха Ивановича с Роор, Шпан и Гейценредер?

Ответ. Классен Г.И. с 1931 по 1935 г. учился в Немпединституте в г. Энгельсе, где преподавателем работал Шпан. Классен в беседе со мной отзывался о Шпане, как о хорошем знатоке Английского и немецкого языков. Роор и Гейценредер являлись однокурсниками Классена по немпединституту.

Вопрос. Следствию известно, что вы были связаны по контрреволюционной работе с Роор, Гейценредер и Шпан. Требую от вас по этому вопросу правдивые показания.

Ответ. С Роор, Шпан и Гейценредер я никакой связи по контрреволюционной работе не имел и об антисоветской деятельности перечисленных выше лиц мне ничего не известно.

Вопрос. Неправда. Роор, Шпан и Гейценредер вы знали, как участников вашей фашистской организации существовавшей на территории Немреспублики. Почему вы это скрываете?

Ответ. Я говорил правду. О принадлежности Роор, Шпан и Гейценредер к фашистской организации мне не известно.

Вопрос. Зачитываю вам показания Классена Генриха Ивановича от 29 июля 1938, где говорится: «...Мне известно со слов Завацкого только несколько человек организации, как то: Вебер быв. в то время Нарком просвещения, Шпан германско-поддан<н>ый, иноспециалист, преподававший в немпединституте английский язык, Александр Роор и Адольф Гейценредер – оба студенты пединститута»... Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ. Шпан, Роор и Гейценредер, как участники нашей фашистской организации я не знаю и по этому вопросу с Классеном я никогда не говорил. О принадлежности Классена к контрреволюционному фашистскому подполью мне стало известно только в 1935 году со слов Вебера, перед моей поездкой в Крым. Таким образом Классен знал Вебера, как участника фашистской организации еще тогда, когда он работал в Энгельсе. По заданию Вебера я, в 1935 году, ездил к Классену в Крым для установления связи по контрреволюционной работе. <...>

Допросил: Вр. пом. нач. 3 отд. УГБ мл. лейт. госбез. *Горбонос*

Л.д. 98.

Показания свидетеля Генке Герберта Густавовича 21 декабря 1938 г. <...>

Вопрос. Знакомы ли вы с Завацким Гергардом Генриховичем

Ответ. С Завацким Г.Г. я знаком по совместной работе в редакции журнала «Дер Кемпфер»

Вопрос. Что вам известно об антисоветской деятельности Завацкого Гергарда Генриховича?

Ответ. С Завацким я встречался исключительно в служебное время и в беседе со мной он, никогда, антисоветских убеждений не высказывал. В 1935 году я написал рассказ «Смерть Юры» который был помещен в газете «Путь Ленина» Бальцерского кантона. Этот рассказ по своему содержанию носил националистический характер и по этому поводу работник газеты «Нахрихтен» Лехтгофн написал свою рецензию. Я с мнением Лехтгофн не был согласен и по вопросу написанию мной рассказа говорил с Завацким. Завацкий тогда мне заявил, что написанный мной рассказ политически выдержан и никаких замечаний мне не сделал. Позже я понял, что в моем рассказе были допущены некоторые политические ошибки. Завацкий работал редактором журнала «Дэр Кемпфер» <...>

Допросил: Вр. пом. нач. 3 отд. мл. лейт. госбез. *Гарбонос*

Л.д. 107–116.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого НЕФФ Роберта Георгиевича

НЕФФ Роберт Георгиевич, 1896 г. рождения, урож. с. Тетанай, Колайского района, немец, гр-н СССР, б/п., образование незаконченное высшее, до ареста работал Зав. учебной частью и преподавателем физики Спатской средней школы, проживал в дер. Спат.

28 августа 1938 года.

ВОПРОС: Вы скрыли от следствия свою террористическую деятельность и диверсионно-террористическую деятельность организации в целом. Намерены ли Вы дать показания по этому вопросу?

ОТВЕТ: Да, намерен. Я должен признать, что действительно скрыл от следствия диверсионно-террористическую деятельность нашей фашистско-шпионской организации и сделал это сознательно, так как все мы были предупреждены членом центра нашей организации – ВИНСОМ Давидом, чтобы в случае ареста в коем случае не говорили о своей террористической деятельности.

Вопрос о терроре был поднят в организации еще в 1936 г. в связи со следующими обстоятельствами: во-первых, при встречах ШТЭПА настойчиво требовал активизировать нашу контрреволюционную и шпионско-террористическую деятельность. Об этом же постоянно напоминал и ВИНС Давид. Во-вторых, процесс над троцкистами, где террор являлся основной мерой борьбы с Советской властью – показал нам, что это самый реальный способ борьбы с Советской властью.

Обсуждая террористическую деятельность троцкистов, вникая в их методы борьбы с Советской властью, наша контрреволюционная группа, в составе – меня – НЕФФА, ВИНСА Корнея, ВАЛЛА Б.К., РЕДЕКОПА В.Н., ЭППА Г.Я., КЛАССЕНА Г.И., НУССА Г.Ф. – одобряла террористические методы борьбы и тогда же мною было внесено предложение включить этот вид борьбы с Советской властью в нашу практическую программу действий. Это предложение получило одобрение со стороны всех членов нашей группы, но решили этот вопрос согласовать в Симферополе с ВИНСОМ Давидом и это было поручено сделать ВИНСУ Корнею. ВИНС Корней сообщил нам, что ВИНС Давид полностью одобряет наше решение и предложил нам разработать конкретные планы нашей террористической работы, указав также, что террористические акты необходимо – в первую очередь направить против членов Правительства, что в условиях Крыма легко выполнимо, так как на Южном берегу отдыхают многие члены Правительства. ВИНС Давид также передал, что террористические акты могут быть произведены путем диверсии на жел. дороге.

ВОПРОС: Какие были приняты практические меры к совершению террористических актов?

ОТВЕТ: Обсудив предложение о терроре, наша группа решила ознакомиться ближе с возможностями совершения террористических актов на Южном берегу Крыма и для этого использовали прибывшего в Спат родственника КЛАССЕНА, писателя из города Энгельса – ЗАВАЦКОГО Гергарда. КЛАССЕН сообщил нам, что ЗАВАЦКИЙ – троцкист, входит в группу фашистских писателей и что он сумеет выполнить наше поручение. ЗАВАЦКИЙ обещал объехать Южный берег, выяснить – где расположена правительственная дача и какие имеются возможности к совершению там террористического акта. Все эти сведения он обещал сообщить нам при обратном переезде через Спат.

ВОПРОС: ЗАВАЦКИЙ Ваши поручения выполнил?

ОТВЕТ: Да, выполнил, но в Спат к нам обратно не заезжал, а вызвал к себе в Ливадию КЛАССЕНА, которому сообщил все добытые им сведения. ЗАВАЦКИЙ передал, что на Южном берегу ежегодно отдыхает МОЛОТОВ, что совершение террористического акта там довольно затруднительно, но доступ на территорию расположения дачи возможен под видом организации экскурсии.

ВОПРОС: Каковы были Ваши дальнейшие решения по этому поводу?

ОТВЕТ: Получив эти сведения, было решено поручить ВАЛЛИУ и КЛАССЕНУ разработать конкретный план совершения террористического акта на Южном берегу Крыма, используя знание местности ЭППОМ и сведения ЗАВАЦКОГО и формировать из участников нашей фашистской организации «экскурсию учащихся» и это будет использовано для совершения террористического акта. Мне и ВИНСУ было поручено проработать другой вариант плана.

ВОПРОС: Какой именно?

ОТВЕТ: Мы считали, что совершение террористического акта на Южном берегу Крыма чрезвычайно затруднительно и поэтому решили одновременно проработать вариант совершения террористического акта по железной дороге.

ВОПРОС: В чем заключались эти планы?

ОТВЕТ: Нами были разработаны два варианта совершения террористического акта над МОЛОТОВЫМ. Один вариант – на Южном берегу, другой – по железной дороге. Оба эти варианта были нами обсуждены на месте, а потом через ВИНСА Корнея – доведены до сведения ВИНСА Давида. ВИНС Давид отклонил первый вариант совершения террористического акта на Южном берегу и одобрил второй – по той причине, что это технически для нас легче выполнимо и в этом будет его личное руководство. Для практического осуществления террористического акта было решено использовать террористическую группу ЗЕМАНА Карла в дер. Карача-Кангил, так как она была близко расположена к железной дороге – к отводной ветке с севера на Евпаторию, где намечалось произвести диверсионный акт с поездом, в котором будет проезжать МОЛОТОВ. ЗЕМАН Карл являлся активным участником нашей организации и руководил диверсионной группой.

Я хочу отметить, что одним из мотивов перехода к террористической деятельности нашей организации – это ответ на репрессии по отношению к немцам.

ВОПРОС: ЗЕМАН К. принял на себя исполнение террористического акта.

ОТВЕТ: Да, принял. Переговорить с ЗЕМАНОМ было поручено мне и я его вызвал к себе на квартиру. Я изложил ему план наших групп и сообщил ему мотивированное решение организации, с чем ЗЕМАН согласился и обещал подготовить необходимые мероприятия для совершения диверсии. В помощь ЗЕМАНУ был выделен НУСС, агент немецкой разведки, участник нашей организации, организатор штурмовых отрядов, работал завхозом Спатской школы, с которым он должен был уже детализировать самый план совершения диверсии.

ВОПРОС: к какому периоду времени это относится?

ОТВЕТ: Это относится к периоду весны 1937 года.

ВОПРОС: Каким образом Вы намерены были совершить диверсионный и акт с поездом главы Советского Правительства СССР тов. МОЛОТОВЫМ?

ОТВЕТ: Согласно выработанного плана, намечался разбор железнодорожного пути у стыка жел. дор. ветки на Евпаторию, а также у мостика между станциями Сарабуз и Китай. В случае, если бы не удалась диверсия, в этих пунктах был предусмотрен третий пункт – это в полутора километрах от ст. Симферополь, где имеется большой спуск и кривизна, что дало бы возможность легко совершить диверсию в этом пункте.

ВОПРОС: Кто должен был совершить диверсионный акт у стыка ветки на Евпаторию и у мостика станции Сарабуз?

ОТВЕТ: Для обеспечения совершения диверсионных актов, на этих двух ветках была привлечена целиком диверсионная группа ЗЕМАНА, но так как это оказалось недостаточным, то решили выделить в помощь ЗЕМАНУ 4-х человек из диверсионно-террористической группы – ПЕТЕРСА А., являющегося руководителем диверсионной группы в дер. Спат и некоторый необходимый инструмент, как лом и железнодорожные ключи. Все это намечалось перебросить через участника нашей организации – шофера КЛАССЕНА Ивана в Карача-Кангил к ЗЕМАНУ, а тот должен был это зарыть вблизи полотна жел. дороги, чтобы иметь их в нужный момент. Все это было выполнено.

ВОПРОС: Кто должен был осуществить диверсионный акт возле станции Симферополь?

ОТВЕТ: Диверсионный акт возле станции Симферополь должен был совершить активный участник фашистской организации учитель ВАЛЛ со своей диверсионной группой, для какой цели он специально устроился на работу на жел. дор. станцию Симферополь.

ВОПРОС: Каким образом Вы должны были получить сведения о времени прохождения поезда с тов. МОЛОТОВЫМ?

ОТВЕТ: О времени прохождения поезда, в котором должен был следовать МОЛОТОВ, должен был сообщить из Симферополя сотрудник НКВД ВИНС Давид. Сообщение он должен был передать по телефону в село Спат возле станции Сарабуз в школу к своему брату – ВИНСУ Корнею условной фразой: «Меня можешь встретить на станции Сарабуз ровно в ... часов, тогда-то», что означало, что в это время и час должен пройти поезд с Молотовым. В случае, если бы ВИНС Корней отсутствовал, сообщение должно было быть передано мне.

По получении этого извещения – ВИНС Корней должен был немедленно поставить в известность меня, а я уже ЗЕМАНА Карла. Одновременно ВИНС Корней должен был ставить в известность ПЕТЕРСА А. для переброски людей в помощь ЗЕМАНУ.

ВОПРОС: Каким образом должна была быть извещена группа ВАЛЛА для совершения диверсионного акта в районе ст. Симферополь?

ОТВЕТ: Извещение ВАЛЛА было значительно легче, так как он находился на ст. Симферополь и это легко мог сделать ВИНС Давид. Но перед ВАЛЛОМ при его устройстве на жел. дорогу были поставлены значительно большие задачи – ему поручено было на станции Симферополь организовать диверсионно-террористическую группу, вовлечь в группу дежурного по станции Симферополь и через него узнавать подробности о прохождении поездов с членами Правительства.

ВАЛЛУ было также поручено совершить диверсионный акт – взорвать железно-дорожное депо ст. Симферополь в момент начала военных действий.

ВОПРОС: Создал ли ВАЛЛ диверсионно-террористическую группу на станции Симферополь?

ОТВЕТ: Да, создал. ВАЛЛ лично мне сообщил, что диверсионно-террористическая группа им создана, что им заведено знакомство среди дежурных по ст. Симферополь, что план диверсии жел. дор. депо детально разработан, но для выполнения ему потребуются люди. Людей я обещал в нужный момент перебросить из Спата и их должен был направить участник организации, агент немецкой разведки – учитель села Спат – РЕДЕКОП, который поддерживал с ним связь.

ВОПРОС: Как шла дальнейшая подготовка к совершению диверсионно-террористических актов?

ОТВЕТ: Намеченная нами диверсия на жел. дороге, с целью совершения террористического акта не состоялась, видимо из-за неприезда МОЛОТОВА. Однако, ВИНС Давид предложил нам сохранить план совершения террористического акта на железной дороге, так как, безусловно представится более удобный случай, если не с МОЛОТОВЫМ, то с другим членом Правительства Союза ССР.

ВОПРОС: Вы показали, что ВИНС Давид лично принимал участие в подготовке террористического акта над тов. МОЛОТОВЫМ. В чем выразилось его участие и по чьим директивам он действовал в этом направлении?

ОТВЕТ: ВИНС Давид лично принимал участие в подготовке диверсионно-террористического акта против МОЛОТОВА. От него мы получили указания и советы, кои исходили от участников центра фашистско-шпионской организации – ШТЭПА и ФИШЕРА, действовавших по прямым заданиям германской разведки.

ВОПРОС: Откуда Вам это известно?

ОТВЕТ: Я уже неоднократно показывал, что в шпионско-диверсионной организации я занимал руководящее положение и поэтому все установки и методы деятельности нашей организации мне были своевременно известны. В начале 1937 года – ФИШЕР, будучи в Симферополе, поста-

вил меня в известность, что германская разведка поставила перед всеми фашистскими группами и нашей организацией задачу – совершать террористические акты против членов Правительства СССР и, в частности, против МОЛОТОВА и уже приняты конкретные меры в этом направлении, уже проработаны планы их.

ВОПРОС: Кто принимал участие в обсуждении и практической выработке плана террористических и диверсионных актов?

ОТВЕТ: В обсуждении и практической выработке плана террористических и диверсионных актов в нашей группе принимали участие следующие участники организации: я – НЕФФ, ВИНС К., ВАЛЛ Б., РЕДЕКОП В., ЭПП Г., КЛАССЕН Г., НУСС Г., ЗАВАЦКИЙ Г., ЗЕМАН К., ПЕТЕРС А. Руководящие указания мы получали от ШТЭПА И ВИНСА Давида.

ВОПРОС: Какие другие методы борьбы вы намечали, кроме диверсионно-террористических?

ОТВЕТ: Мы намечали, кроме диверсионно-террористических методов – использовать и химические способы, для этой цели мы предложили члену организации ЭППУ, как химику, подготовить через свои связи в Аптекоуправлении гор. Симферополя необходимые средства для химической борьбы с Советской властью, т.е. яды для отравления скота и колодцев по пути следования красноармейских частей, а также подготовить кадры химиков для выполнения террористических актов. Эти кадры, главным образом, состояли из учащихся старших классов, детей репрессированных. Нами даже была сделана попытка сосредоточить в колхозах в хатах-лабораториях, в частности, в колхозе им. ЭНГЕЛЬСА, химические отравляющие вещества, но наша попытка оказалась неудачной, так как лаборатория эта была по производственным соображениям Правлением колхоза закрыта.

ВОПРОС: Из Ваших показаний видно, что террористические акты подготавливались не только Вашей группой?

ОТВЕТ: Конечно, нет. Мне известно, что подготовкой и террористических актов занималась также и Карасанская группа, руководимая учителем КАМЕРЕРОМ, который лично мне говорил, что у них по линии вдоль железной дороги имеются специально созданные диверсионные группы, в частности, в дер. Боронгар, которые готовы к совершению диверсионных и террористических актов по первому требованию фашистской организации.

ВОПРОС: Какие вам известны другие диверсионные группы, имеющие террористические задания?

ОТВЕТ: Других я не знаю. <...>

ДОПРОСИЛ: СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (АЗАРОВ)

Л.д. 139-140.

Протокол допроса
обвиняемого Винса Корнея Корнеевича
от 9 мая 1939 года

Вопрос: Изложите все что Вам известно о принадлежности к немецкой шпионской организации Завадского Гергарда и в чем конкретно выразалась его контрреволюционная деятельность?

Ответ: Завадский Гергард был в Спатской школе осенью 1935 года. Я знал от участника нашей организации Классена Г.И., что Завадский Г. являлся участником немецкой шпионской организации в гор. Энгельсе и поэтому мы с ним быстро связались. Завадский мне говорил о наличии фашистской организации в НКПросе А.С.С.Р.Н.П. и в пед<агогическом> институте, с которой он связан, а также об фаш<истской> организации в средней школе. Завадский мне называл фамилий участников, но я их не помню. Завадский Г. имел широкие связи в среде так называемых политэмигрантов как в Энгельсе, так и в Москве и в Ленинграде.

Завадский был делегатом I съезда писателей, и в беседе с ним об этом съезде он восторгался

докладам и установкам докладчиков Бухарина и Радека, целиком воспринимаемая их. Как известно, Бухарин обрушивался на сов<етскую> поэзию, в частности на Д. Бедного; Радек К. оклеветал немецкую антифашистскую литературу. Особенно Завадский возмущался выступлением Вилли Бределя (коммунист-писатель, друг Тельмана, в 1937-38 г. комиссар Тельманского батальона в Испании), который выступил с резкой критикой Радека от имени ряда немецких писателей-коммунистов.

Завадский – поэт и писатель, произведения которого прорабатывались в немецких школах Советского Союза. Как поэта я его не знаю. В Спатской школе он читал выдержки своего романа, лейтмотив которого, якобы слова Сталина: «сын за отца не отвечает». В действительности же роман проводит идею: во чтобы то ни стало необходимо немецкой молодежи пробраться в ряды партии и комсомола, не взирая на происхождение и убеждение. Мы проводили чтение выдержек с целью фашистской пропаганды.

Будучи в Спате, Завадский мне говорил, что ему необходимо побывать по поручению некоторых лиц, коих он мне не называл, в Севастополе, Балаклаве и Ялте. В Севастополь и Балаклаву он ездил вместе с Валлом и Классеном – в Ялту ездил сам. Классен мне говорил, а также и Завадский, что он Завадский выполняет задания шпионской организации гор. Энгельса.

В 1936 г. Завадский был вторично в Крыму, но в Спат тогда не заезжал. Отдыхал в Ливадии. В то время у нас в фаш<истской> организации были разговоры о подготовке терракта на южном берегу над Молотовым, но после поездки Неффа Р.Г. с экскурсией учителей по Ю.Б. Крыма вопрос этот отпал, т.к. по сообщению Неффа пробраться на территорию правительственных санаториев невозможно. Классен ездил к Завадскому и имел с ним разговор по этому же вопросу. Завадский, по словам Классена, в 1936 г. имел задание своей шпионской организации, прозондировать возможность терракта на Ю.Б. Крыма над Молотовым. Результаты его работы мне неизвестны.

Вопрос: Какие Вы лично имели разговоры с Завадским о его шпионской работе и о подготовке террористического акта над Молотовым?

Ответ: Завадский мне говорил, что он является агентом Гестапо и по заданию Гестапо и своей шпионской организации приехал в Крым для установления связи с крымской фашистской организацией, о которой ему писал Классен, и также по специальному шпионскому заданию, с которым была связана его поездка в Севастополь, Балаклаву и Ялту. О характере этого задания мне он не говорил, так что сообщить о нем не могу. Лично с Завадским о подготовке терракта над Молотовым у меня не было разговора. Приехал он по заданию своей организации в 1936 году, а я его тогда не видел. В 1935 году я ему говорил, что крымская фашистская организация ставит своей задачей совершение террактов над членами правительства. Завадский мне говорил, что шпионские организации республики немцев Поволжья ставят себе аналогичные цели, т.е. совершение террористических актов над членами Советского правительства и подготовка дивер<сионных> актов. Ответы на вопросы мною записаны собственноручно. *К. Винс*

Допросил: Нач I отд ЭКО НКВД Крыма сержант Гос. Безоп. *подпись* (Московенко) –

Л.д. 156–163.

Протокол дополнительного допроса
обв. Завацкого Гергарда Генриховича
от 1/VI–1939 года.

Вопрос. На предыдущих допросах вы пытались скрыть от следствия свою террористическую деятельность.

Требую от вас по этому вопросу правдивых и исчерпывающих показаний.

Ответ. Я террористической деятельностью никогда не занимался.

Вопрос. В каком месте вы использовали свой отпуск в 1936 году?

Ответ. В санатории Ливадии – Южный берег Крыма.

Вопрос. С кем вы встречались, в 1936 г., во время вашего пребывания в Крыму?

Ответ. В 1936 году, когда я отдыхал в санатории – Ливадии, ко мне приехал из села Спат мой родственник Классен Генрих Иванович.

Вопрос. По какому поводу к вам приезжал Классен Г.И. в санатории – Ливадия.

Ответ. Он приехал повидаться со мной, как с родственником.

Вопрос. Откуда Классену было известно, что вы отдыхаете в Ливадии?

Ответ. Я сообщил ему открыткой, что я отдыхаю в Ливадии и пригласил его приехать повидаться со мной.

Вопрос. До вашего выезда в Крым, в 1936 г. Классену было известно о том, что вы намерены использовать свой отпуск в Ливадии?

Ответ. Мне кажется, что я писал Классену из Энгельса, что я собираюсь отдыхать в 1936 г. на Южном берегу Крыма. Кроме того в 1935 году, когда я был в Спате я ему говорил о том, что в 1936 г. попытаюсь провести свой отпуск в каком-нибудь санаторий на Южном берегу Крыма.

Вопрос. С кем еще, кроме Классена, вы встречались в Крыму в 1936 г.

Ответ. Кроме Классена я в Крыму в 1936 г. ни с кем не встречался.

Вопрос. Следствием установлено, что ваше пребывание в Ливадии было связано с подготовкой террористических актов над членами Советского правительства.

Подтверждаете ли вы это?

Ответ. Нет. Мое пребывание в Ливадии в 1936 г. не имеет никакого отношения к террористической деятельности против руководителей Советской власти.

Вопрос. Неправда. Привожу вам выдержку из показаний Классена Г.И. от 14/XI-1938 г., где говорится: «...Осенью 1936 года я узнал из письма Завацкого, что он в ноябре м-це этого же года прибудет в Крым на отдых в санаторий – Ливадия. Нефф Роберт узнав от меня о приезде Завацкого предложил использовать его для того чтобы он, будучи в Крыму (южный берег) выяснил бы, где расположены правительственные дома отдыха и какие имеются возможности проникнуть в эти дома отдыха для совершения террористического акта...»

Завацкий перед отъездом в Ливадию заехал ко мне в Спат, где в моем присутствии лично Нефф Роберт дал поручение ему о выяснении возможностей подготовки и исполнения террористического акта на Южном берегу».

Вы это подтверждаете?

Ответ. Нет. Это ложь. Я никакого контрреволюционного задания ни от Классена, ни от Нефф не получал. Я даже не заезжал в Спат.

Вопрос. Вы показали выше, что в 1936 году к вам, в санаторий – Ливадия, приезжал Классен повидаться с вами, как с родственником. Между тем следствием установлено, что ваша встреча с Классеном в Ливадии, в 1936 г., была связана с проверкой выполнения задания полученного вами от Нефф по подготовке террористического акта над руководителями коммунистической партии и Советского правительства.

Ответ. Классен приезжал ко мне в 1936 г. в Ливадию повидаться со мной, как с родственником и в процессе нашей встречи он – Классен никаких контрреволюционных разговоров со мной не вел.

Вопрос. Неправда. Привожу вам выдержку из показаний Классена Г.И. от 14 ноября 1938 года, где говорится: «...Недели через две Нефф Роберт и Винс Корней Корнеевич предложили мне выехать в Ялту, повидаться с Завацким и выяснить, что им выполнено из данного ему поручения...»

В средних числах ноября 1936 г. я выезжал в Ялту, связался с Завацким, который мне передал, что на Южном берегу ежегодно отдыхает Молотов, но доступ к нему крайне затруднителен, причем Завацкий рекомендовал использовать экскурсию учащихся для проникновения на территорию дома отдыха. Этот ответ Завацкого я передал Нефф Роберту». Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ. Показания Классена я не подтверждаю, потому, что они ложные.

Вопрос. О том, что Классен встречался с вами на Южном берегу Крыма по террористической работе, подтверждается также показаниями других свидетелей: Так, Нефф Роберт Г. на допросе 28го августа 1938 г. показал: «...Завацкий передал Классену, что на Южном берегу ежегодно отдыхает Молотов, что совершение террористического акта там довольно затруднительно, но доступ, на территорию расположения дачи возможен под видом организации экскурсии»... О вашей террористической деятельности Нефф подтвердил также на допросе 9го мая 1939 года. Прекратите упорствовать и дайте по этому вопросу исчерпывающие показания.

Ответ. Я террористической деятельностью не занимался.

Вопрос. По вопросу вашей террористической деятельности Винс Корней Корнеевич, на допросе 9 мая 1939 г. показал: «...Завацкий, по словам Классена, в 1936 году имел задание прозондировать возможность террористического акта на Южном берегу Крыма над Молотовым». Подтверждаете ли вы это?

Ответ. Нет не подтверждаю. От своих показаний данных мною на допросе 14го ноября 1938 г. о моей принадлежности к фашистской организации существовавшей на территории Немреспублики и о моей связи с участниками контрреволюционной организации – Классеном, Винсом, Неффом и Валлом в Крыму я отказываюсь, так как они мною вымышлены.

Вопрос. Почему вы дали вымышленные показания о своей принадлежности к фашистскому подполью?

Ответ. Я дал вымышленные показания о своей контрреволюционной работе под моральным воздействием следователя выражавшемся в полном недоверии к моим показаниям; в оскорблении и в Квалификации моего нежелания дать показания соответствующие показаниям Классена, как стремление продолжать свою антисоветскую борьбу уже будучи арестованными и мое положение, как арестованный.

Вопрос. Если вы дали «вымышленные» показания о своей принадлежности к фашистской организации якобы под моральным воздействием следователя, то почему же вы в своих собственноручных показаниях и на допросе 14го ноября 1938 года сознались в том, что являлись участником контрреволюционной организации вместе с тем отрицали свою шпионскую и террористическую деятельность?

Ответ. Я не хотел взять на себя такие тяжкие обвинения. <...>

Допросил. Вр. Нач. 2 отд. НКВД мл. лейт. госбез. *подпись* (Горбонос)

Л.д. 165–167.

«УТВЕРЖДАЮ» ЗАМ. НАРКОМЕНУДЕЛ АССРНП

Лейтенант Госуд. Безоп: *подпись* (ШУСТЕР)

«1» ИЮНЯ 1939 г. <...>

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По обвинению гр-на ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича по ст. 58 п. 6, 19-58 п. 8, 58 п. 11 УК РСФСР.

НКВД АССР немцев Поволжья располагал материалами о том, что проживающий в г. Энгельсе ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович проводит организованную контрреволюционную работу, направленную к свержению существующего в СССР государственного строя.

На основании этих данных ЗАВАЦКИЙ Г.Г. 4 Ноября 1938 г. был арестован.

Произведенным следствием установлено, что обвиняемый ЗАВАЦКИЙ в 1926 году находясь на учебе в Ленинградском Непедтехникуме входил в состав контрреволюционной группы действовавшей под вывеской «литературного кружка», участники которой проводили националистическую работу среди студентов. <...>

Допрошенный по данному делу обвин. ЗАВАЦКИЙ показал, что летом 1934 г. он был завербован в фашистскую организацию существовавшую на территории Немреспублики, одним из ее руководителей – ВЕБЕРОМ А.Я. (осужден). <...>

По заданию ВЕБЕРА обвин. Завацкий занимался вербовкой лиц в состав фашистской организации и проводил контрреволюционную работу среди писателей Немреспублики, прививая им буржуазно-националистические взгляды и вызывал в них стремление своими произведениями воспитывать читательские массы в шовинистическом антисоветском духе. <...>

Как установлено следствием обвин. ЗАВАЦКИЙ осенью 1935 года по заданию ВЕБЕРА специально выезжал в Крым для налаживания связи по контрреволюционной работе с руководителями фашистской организации существовавшей на территории Крымской АССР. <...>

Находясь в Крыму обвин. ЗАВАЦКИЙ вместе с другими участниками контрреволюционной организации выезжал в пограничные города для сбора шпионских материалов о расположении береговых ботарей. Кроме того собирал шпионские сведения о расположении воинских частей на территории Немреспублики. <...>

Следствием также установлено, что участники фашистской организации подготавливали террористические акты против руководителей ВКП/б/ и Советского Правительства. <...> Для этой цели обвиняемый ЗАВАЦКИЙ в 1936 году приезжал в Ливадию и изучал маршруты поездок руководителей советского правительства отдыхавших на южном берегу Крыма. <...>

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЕТСЯ ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович, <...> В ТОМ, ЧТО:

- а) Являлся участником фашистской организации;
- б) занимался вербовочной деятельностью и вел антисоветскую националистическую работу среди писателей Немреспублики.
- в) Проводил шпионскую работу и подготавливал террористические акты против руководителей ВКП/б/ и Советского Правительства, т.е. в преступлении предусмотренном ст. 58 п. 6, 19-58 п. 8, 58 п. 10, 58 п. 11 УК РСФСР.

Признал себя виновным в принадлежности к фашистской организации.

Руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР –

ПОСТАНОВИЛ:

Следдело No 5262 по обвинению ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича по ст. ст. 58 п. 6. 19-58 п. 8, 58 п. 10, 58 п. 11 – направить военному прокурору 108 Военной Прокуратуры – гор. Саратов, для предания обвиняемого суду.

ВРИД. НАЧ. 2 ОТД. ЭКУ НКВД АССРНП мл. лейтенант Госуд. Безопасности: (ГОРБОНОС) *подпись*

Составлено 1 Июня 1939 года.

СПРАВКА: 1. Обвин. ЗАВАЦКИЙ Г.Г. содержится под стражей в тюрьме г. Энгельса.

2. Личные документы обвин. ЗАВАЦКОГО хранятся при деле в отдельном пакете.

3. Вещественных доказательств по делу нет.

СПИСОК

лиц подлежащих вызову в суд.

1. Обвиняемый: ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович – тюрьма г. Энгельса

1. Свидетель: ГЕНКЕ Герберт Густавович – проживает в г. Энгельсе ул. Веселая дом № 3.

ВРИД. НАЧ. 2 ОТД. ЭКУ НКВД АССРНП мл. лейтенант госуд. безопасн: *подпись* (ГОРБОНОС)

Л.д. 171-172.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ШЕЛЕНБЕРГА Давида Генриховича,
от 16 января 1936 года.

ВОПРОС: Располагая точными данными о Вашей контрреволюционной фашистской деятельности на протяжении ряда лет, следствие требует от Вас по существу откровенных, с исчерпывающей полнотой показаний?

ОТВЕТ: В моей деятельности в качестве редактора журнала «Штурм Шрит» с августа 1932 г. по январь 1934 г. я допустил ряд серьезных ошибок сводящихся к следующему: Я напечатал стихотворение ЯНЦЕНА «Пробный поезд», которое является кулацкой контрабандой и клеветой на советское немецкое село – в духе фашизма потому, что автор, маскируясь под советского активиста, бичующего недостатки и борящегося против вредителей, на деле иронизирует над советской действительностью и рисует мрачную картину советского немецкого села 1933 г., клеветца на колхозников и МТС.

Для разоблачений интервенционистских устремлений Германского фашизма, я напечатал песню, в сатирическом отделе журнала «Штурм Шрит», в которой содержится призыв к походу на Москву. Эта песня могла быть использована для контрреволюционной агитации. Роман-фрагмент Эриха МЮЛЛЕРА из времен Германской оккупации на Украине идеализирует ее, обходя молчанием зверства оккупантов. Как вредную вещь я ее охарактеризовал в конце 1933 года и написал статью в журнале «Штурм Шрит». В статье на писанной для литературной энциклопедии (в 7 томе, о немецкой советской литературе) и напечатанной предварительно в «Штурм Шрите», по моей вине писатель ЯНЦЕН характеризуется, как преодолевший свое кулацкое прошлое. О ШТРЕММЕ пишется, что он отказался от своей нацистской теории развития «Советско-немецкого языка», в то время, как первый оставался кулацким писателем, а теория второго не была еще окончательно разоблачена и разбита. Этими промахами, не характеризующими линию редактируемого мною журнала, я нанес вред делу партии, социалистическому строительству советского немецкого села, ибо они были на руку фашистской агентуре и могли быть использованы для контрреволюционной агитации. <...>

ДОПРОСИЛ: НАЧ ОТДЕЛЕНИЯ ОО УГБ ХОУ НКВД и ХВО – /ТЫШКОВСКИЙ/

Л.д. 173–176.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ШЕЛЕНБЕРГА Д.Г.
от 19-20/1-1936 года.

ВОПРОС: Какую роль сыграл журнал «Штурм Шрит», Вами редактируемый, в той контрреволюционной и фашистской деятельности, которая проводилась членами к-р фашистской организации Укрнацмен Госиздата?

ОТВЕТ: Журнал «Штурм Шрит» под моим руководством с 1923 по 1934 год, явился трибуной протаскивания в массу советских немцев националистических произведений. Этим самым он действовал фашистской агентуре и играл роль идеологического подготовителя интервенции германского фашизма. Журнал «Штурм Шрит» не только явился поставщиком националистической идеологии, но своей пассивностью по отношению к теории ШТРЕММА, своим отказом от борьбы против Плужанского наследия играл на руку группе контрреволюционеров, действовавшей в области Советской немецкой литературы и печати. С рядом лиц этой группы я соприкасался в своей работе, был в определенных деловых отношениях, о которых я показывал ранее в своих протоколах, и которые не мог не использовать журнал «Штурм Шрит», как орудие борьбы своей

контрреволюционной организации. Об организационном оформлении этой группы лиц в контрреволюционную фашистскую организацию мне ничего не известно. Независимо же от того, знал ли я или нет о существовании к-р фашистской организации, журнал «Штурм Шрит» последней был использован, как трибуна для своих к-р фашистских целей. В «Штурм Шрит» не могло найти своего развития действительно советское творчество как новые подрастающие, так и здоровые элементы старых авторов. Этим самым я способствовал задержанию роста культуры советских немцев и проводил деятельность по вреду достойную и члена контрреволюционной фашистской организации.

ВОПРОС: Какая контрреволюционная фашистская деятельность Вами лично проводилась?

ОТВЕТ: Моя контрреволюционная фашистская деятельность проводилась по линии литературы и заключается в печатании ряда своих и других авторов, произведений контрреволюционного фашистского характера. Наиболее характерными из этих моих произведений являются: «Первый день» – напечатано в журнале «Штурм Шрит» за 1930 год. В этом произведении я характеризую коллективизацию, как принудительное вхождение середняцкой массы в колхоз, в силу проводимой Соввластью и партией политики и провожу агитацию за пребывание кулака в колхозе.

В 1931 году мной был напечатан роман «Жажущая земля», ч. II. В этом произведении в лице (персонажа) фабриканта я развиваю фашистскую теорию о единой немецкой нации с общей религией и отсутствии классовых противоречий. Не противопоставляя и не разоблачив этого «теоретика» на протяжении всего произведения, я по существу явился пропагандистом теории фашизма, проводимой в настоящее время в Германии. Это произведение было издано в 1931 году Украинамином, ответственным редактором коего был ШВАРЦ.

В 3-й части этого же романа, напечатанной в 1933 году в отрывке «Гергарий с перочинным ножом», я описываю кулака, мечтающего о создании «Великой Германии» от Дона до Рейна. Этот кулак и его фашистские мечтания мною не разоблачаются, как враждебные рабочему классу и трудовому крестьянству – стремлений фашизма Германии и тем самым я опубликованием этого отрывка являюсь пропагандистом фашизма и совершаю контрреволюционный фашистский акт.

В том же 1933 году, я под влиянием РАЙНЕР МАРИЯ РЫЛЬКЕ – немецкого декадента, напечатал свое произведение «Кролики», являющееся произведением мистического характера, рисующее отношение человека и природы в идеалистическом духе. Находясь под влиянием Райнер Мария Рыльке, я считал, что силе его лирического формального мастерства надо учиться нам, современным писателям, и сам у Райнер учился. Это заблуждение привело меня к отходу от проблем строительства национальной культуры Советского немецкого села к «бегству в прошлое» к превалированию в моей практике формы и языка над содержанием. Внимание форме и языку я мотивировал отсталость языка советских немецких писателей от языка революционной литературы Германии. Стихотворение «Кролики», как и редакторская моя практика, также свидетельствуют о том, что влияние на меня декадентской литературы привело меня к фашизму.

Кроме указанных выше произведений, мною также напечатан ряд стихотворений, как: «Зов молодых», «Следы» и др. восстановить их я в памяти сейчас не могу, в которых я неправильно оцениваю коллективизацию («Зов молодых»). Имеется много символизма, формалистического подхода и отвлеченности, а в стихотворении «Говорит ПОСТЬШЕВ» и клевета на партию.

Будучи редактором журнала «Штурм Шрит», я печатал произведения контрреволюционеров МИЛЛЕРА Эриха «Антон просыпается», роман-фрагмент «Прощание с Россией» ЯНЦЕНА, «Учитель на селе» – ЛАХТОФЕНА, «Холостой ход» – БАЙЗЕРА-БАРСКОГО, «3 бочки сыра» – МИКВИЦА и др.

Все эти произведения по своему содержанию являются фашистскими и контрреволюционными. Изложенное выше необходимо дополнить моей практикой в области работы с молодыми советскими писателями.

Работа с молодыми немецкими писателями отсутствовала. Вся работа свелась к конкурсу на лучшее стихотворение. В процессе конкурса выявился ряд способных новых сил, но сам журнал в

моем лице явился преградой для дальнейшего развития поскольку отсутствовало теоретическое руководство ими, а публикуемые произведения, на которых они могли бы учиться, являлись зачастую по содержанию контрреволюционными. <...>

Допросил: ОПЕР УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО – РЕЗНИКОВ.

Л.д. 185-187.

Протокол допроса
обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 15 ноября 1939 года
Допрос начат в 22 часа 50 мин.

Вопрос: Свои показания от 14 ноября 1938 года Вы подтверждаете?

Ответ: Нет, не подтверждаю. Эти показания являются вымышленными и даны были мною в результате оскорблений и угроз со стороны следователя. И под влиянием того факта, что мой двоюродный брат Классен оклеветал меня в своих показаниях после его ареста.

Вопрос: Меры физического воздействия со стороны следственных органов к вам в то время применялись?

Ответ: Нет, меры физического воздействия в процессе следствия ко мне не применялись.

Вопрос: Ваши показания от 14 ноября 1938 года отвечают действительности так как все лица, указанные в них как участники организации арестованы и действительно таковыми являлись?

Ответ: Я еще раз заявляю, что мои показания являются вымышленными, но я тем не менее я их писал собственноручно и делал так, чтобы они по возможности соответствовали действительности, т.е. писал не то, что было на самом деле, а то, что могло бы быть, чтобы они показались правдоподобными.

Вопрос: Как участника контрреволюционной организации Вас изобличают ряд близких Вам людей, которые проживали в Крыму. Чем же объяснить, что их показания совпадают с Вашими?

Ответ: Показания Классена, Винса, Валла и Неффа, которые мне зачитывали на допросах, о моей принадлежности к контрреволюционной организации являются также, как и мои вымышленными. Должен сказать, что с Классеном и Винсом я был знаком еще до моего первого приезда в Крым в 1935 году. В Спат я приехал по приглашению Классена осенью 1935 года и пробыл там около 20 дней. Классен в то время познакомил меня с Валлом и Неффом. Винс работал директором Спатской школы, остальные же трое были преподавателями упомянутой школы. Осенью 1936 года я поехал отдыхать в Ливадию.

Вопрос: Где Вы получали путевку в Ливадию?

Ответ: Путевка в Ливадию мною была куплена в областном союзе работников просвещения кажется за 750 рублей.

Вопрос: За время пребывания в Ливадии в 1936 году с кем из упомянутых выше лиц Вы встречались?

Ответ: В Ливадию ко мне приезжал только Классен недели через две спустя после моего приезда. Классен пробыл у меня около суток и снова выехал в Спат. От Спата до Ливадии примерно 5 часов езды.

Допрос прерван в 2 часа 00 мин. *Г. Завацкий <...>*

Допросил: Ст. следователь следчасти НКВД АССРНП сержант Госбезопасности /Ожерельев/
подпись

Л.д. 196-199.

Протокол допроса обвиняемого Завацкого Гергарда Генриховича
от 16 декабря 1939 года
Допрос начат 14 часов 25 минут.

Вопрос: На допросах 14 и 29 ноября 1938 года Вы признали свою принадлежность к к-р фашистской организации существовавший <в> Немреспублики, признаете, т.е. подтверждаете Вы эти свои показания?

Ответ: 14 и 29 ноября 1938 года я действительно давал показания, где указывал о том, что я принадлежал, т.е. состоял в к-р фашистской организации, сейчас эти показания не подтверждаю, т.к. они ~~ложны~~ не отвечают действительности. В к-р организации я никогда не состоял и о существовании таковой узнал только на допросе от следователя. Показания эти мной даны, как и собственноручные показания под влиянием угроз и напугив. и оскорблений, (~~которые были допущены~~) следователя Горбонос, который угрожал мне, что он со мной пока разговаривает по-человечески, а если буду я не признавать себя виновным он устроит надо мной расправу, оскорблял меня нецензурными словами и т.д., но другие незаконные действия со стороны следователя ко мне не применялись.

Вопрос: Вы говорите, что показания о принадлежности Вас к к-р. организации Вами даны под давлением следователя, однако для следствия непонятно почему Вы на этих же допросах отрицали свою шпионскую и террористическую деятельности, не боясь даже угроз. Что скажете Вы на это?

Ответ: Эти сведения, т.е. показания следователь от меня настойчиво не требовал и по этим пунктам обвинения давления я не встречал.

Вопрос: Показаниями арестованных Классена, Винса и других Вы ~~уличаетесь~~ избобличены в шпионаже в пользу Германии и в попытке совершить террористический акт против т. Молотова. Вы подтверждаете это?

Ответ: Шпионажем и террористической деятельностью я никогда не занимался и это категорически отрицаю.

Вопрос: Вам зачитываются выдержки из показаний Классена, где говорится «В 1931 году я выехал на учебу <в> государственный нем. педтехникум г. Энгельс Немреспублики, где проучился до 1935 года. За время пребывания в г. Энгельс я продолжал сообщать Эппу Конату шпионские сведения, всесторонно освещающая экономическое и политическое состояние Немреспублики особенно помню меня снабжал шпионскими сведениями мой двоюродный брат Завацкий Гергард являющийся писателем и благодаря этому имевший доступ и возможность разъезжать по республике, посещать заводы и воинские части». Что скажете теперь?

Ответ: Классен показывает ложь и я его никогда, никакими сведениями не снабжал, между прочим он от меня никогда не требовал эти сведения и даже на эту тему у нас с ним не было разговоров.

Вопрос: Показаниями арестованных Классена, Валл и Фишера Вы избобличены в том, что в 1938 году будучи в Крым на курорте намеревались совершить террористический акт против т. Молотова отдыхавшего в то время в Крыму. Вы и теперь намереваетесь отрицать это?

Ответ: Эти показания Классена, Валл и Фишер являются ложными и я их категорически отрицаю. Повторяю, что я никакой к-р деятельностью и никогда не занимался, никогда ни намерен совершать террористические акты и заниматься шпионажем. Прошу произвести мне с Классеном, Винсом, с Валлом и Неф<ф>ом очные ставки, где я могу с себя снять это позорное пятно. <...>

Допросил: Пом. Военного Прокурора 529 Воен. Прокуратуры К. Петров<?>

Присутствовал ст. следователь НКВД АССРНП Ожерельев

Л.д. 204-205.

Показания свидетеля *Брестер Марии Михайловны от 21 января 1940 г. <...>*

Вопрос: Завацкого Гергардта Генриховича Вы давно знаете?

Ответ: С Завацким я знакома примерно с ноября месяца 1936 года. Он работал заместителем редактора журнала «Der Kämpfer» и будучи кандидатом ВКП/б/ состоял на учете вместе со мною в одной парторганизации при редакции газеты «Nachrichten».

Вопрос: Что Вам известно об антисоветской деятельности Завацкого?

Ответ: Фактов антисоветской деятельности Завацкого я привести не могу. Что же касается его характеристики, то по этому вопросу должна сообщить следующее:

Журнал, редактируемый Завацким выходил нерегулярно, материалы, печатаемые на его страницах носили скучный характер. За все это областные организации и читатели заслуженно критиковали редакцию. Сам Завацкий в погоне за гонораром стремился печатать свои статьи интересного содержания в других газетах в частности в «Nachrichten», «Rote Jugend», «D<eutsche> Z<entral>-Z<eitung>» и «Junger Stürmer».

Припоминаю на одном из партийных собраний ставили вопрос о Завацком за то, что он на страницах «Der Kämpfer» напечатал статью некоего Гасельбаха, повествовавшего в этой статье об одном из ныне разоблаченных врагов народа, фамилию которого я припомнить затрудняюсь. Насколько мне помнится Завацкий в свое оправдание выдвигал то обстоятельство, что человек о котором писал в своей статье Гасельбах, еще не был разоблачен до момента помещения статьи.

Помимо того в редакции «Der Kämpfer» работала Шульц Элли Оскаровна, имевшая связь со своими родителями, впоследствии репрессированными органами НКВД. Я как секретарь партийного комитета редакции ставила перед Завацким вопрос об увольнении Шульц из редакции поскольку журнал являлся органом Обком КПВ/б/ и Шульц будучи сотрудницей редакции естественно имела доступ к секретной переписке. Завацкий по каким-то причинам не хотел увольнять ее с работы. В качестве мотива он выдвигал то обстоятельство, что Шульц сама мол не является врагом народа, а если ее родители репрессированы, то это решающего значения или повода для лишения ее занимаемой должности, не имеет. Правда, несколько позже Завацкий уволил Шульц из редакции, но затем снова принял ее на ту же работу. <...>

Допросил: Следователь следчасти НКВД АССРНП сержант г.б. (Ожерельев) *подпись*

Л. д. 220–223.

«УТВЕРЖДАЮ» ЗАМ. НАРКОМА ВНУДЕЛ АССРНП Ст. Лейтенант Гос. Безопасн. *подпись* /
ВЕЛИКАНОВ/
3 Июня 1940 года. <...>

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

<...> НКВД АССР Немцев Поволжья располагало данными, свидетельствующими о том, что житель г. Энгельс ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович ведет организованную контрреволюционную деятельность среди населения, направленную на подрыв существующего в СССР социалистического строя.

На основании этих данных ЗАВАЦКИЙ был арестован и привлечен к уголовной ответственности.

Произведенным расследованием установлено, что ЗАВАЦКИЙ еще в 1936 году, будучи студентом Ленинградского немпедтехникума вступил в контрреволюционную националистическую молодежную группу, действовавшую под видом «Литературного кружка». <...>

Обвиняемый ЗАВАЦКИЙ в процессе следствия дал показания о своей принадлежности к контрреволюционной фашистской организации, существовавшей на территории Немреспублики в которую был завербован одним из ее руководителей бывшим наркомом просвещения АССРНП ВЕБЕРОМ. <...>

По заданию ВЕБЕРА, ЗАВАЦКИЙ проводил контрреволюционную работу среди начинающих писателей Немреспублики, прививая им буржуазно-националистические взгляды и стремление воспитать читательские массы в шовинистическом антисоветском духе. <...>

Осенью 1935 года по заданию антисоветского подполья ЗАВАЦКИЙ выезжал в Крым для установления связей по контрреволюционной работе с руководителями фашистской организации, существовавшей на территории Крымской АССР. <...>

В бытность свою в Крыму ЗАВАЦКИЙ вместе с другими участниками контрреволюционной организации выезжал в приморские города и собирал шпионские материалы о расположении береговых укреплений на Черноморском побережье.

Помимо того из имеющихся в деле материалов явствует, что ЗАВАЦКИЙ собирал шпионские сведения о расположении воинских частей на территории Немреспублики и передавал эти сведения КЛАССЕНУ. <...>

Следствием также установлено, что участники фашистского подполья готовили террористические акты против руководителей ВКП(б) и Совправительства. <...>

Для осуществления своих преступных контрреволюционных замыслов ЗАВАЦКИЙ в 1936 году приехал в Ливадию, где изучал маршруты поездок руководителей партии и правительства на южном берегу Крыма. <...>

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЕТСЯ: ЗАВАЦКИЙ Гергардт Генрихович, <...> В ТОМ, ЧТО:

а) являлся участником контрреволюционной фашистской организации;
б) По заданию антисоветского подполья проводил к/р националистическую работу среди писателей Немреспублики;

в) Собирал шпионские сведения и готовил теракты против руководителей ВКП(б) и Совправительства, т.е. в преступлениях предусмотренных ст.ст. 58 п. 6, 19-58 п. 8, 58 п.п. 10 ч. 1 и 11 УК РСФСР.

В принадлежности к контрреволюционной фашистской организации виновным себя признал, а впоследствии от своих показаний отказался. В антисоветской деятельности изобличается показаниями обвиняемых: ВАЛЛА, НЕФФА, КЛАССЕНА, ВИНСА, последние от своих показаний отказались, дело отношении их Крым АССР как на социально-опасных направляется в особое совещание НКВД СССР, и свидетеля ГЕНКЕ.

На основании вышеизложенного

ПОСТАНОВИЛ:

Следдело на обвиняемого ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича направить на рассмотрение Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел Союза ССР

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ НКВД РНП Сержант Государствен. Безопасности: *подпись* /ОЖЕРЕЛЬЕВ/.

СОГЛАСЕН: НАЧ. СЛЕДЧАСТИ НКВД АССРНП Ст. Лейтенант Гос. Безопасн. *подпись* /БАРАННИКОВ/.

Обвинительное заключение составлено 17 мая 1940 г. в г. Энгельсе. <...>

Л.д. 226.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 121.

Особого совещания при Народном комиссаре Внутренних Дел СССР

От 28 сентября 1940 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
258. Дело № 5265/НКВД АССР Немцев-Поволжья по обв. ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича, 1901 г.р., ур. с. Никольское Словгородского окр. Алатйского края, немец, гр-н СССР, канд. в чл. ВКП/б/, исключен в связи с арестом.	ЗАВАЦКОГО Гергардта Генриховича, как социально-опасный элемент – заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 3-го ноября 1938 года. <i>НКВД Нем.-Поволжья</i> <i>5/Х 40 г. № 9/13-31179</i> <i>Унжлаг.</i>

Л.д. 229–231.

г. Саратов, Военному прокурору.

от с./з. Завацкого
Гергарда Генриховича.

Заявление.

15 мая т.г. мне было предъявлено окончание следствия по моему делу. Следователь мне говорил, что дело направляется к Вам. Поэтому я обращаюсь к Вам с некоторыми фактическими справками из моей биографии и с некоторыми возражениями и замечаниями по поводу клеветнических показаний арестованных Г.И. Классена, К.К. Винса, Ваала и Неффа.

1.) Да, мои родители принадлежали к религиозной секте меннонитов, но я сам к этой секте никогда не принадлежал, так как я в 1920 г. отказался принять крещение; меннониты крестят взрослых.

2.) Да, в конце 1919 г. (с июля, или августа до середины ноября) я служил в белой армии Колчака. Служил я по мобилизации, санитаром <в> I. Военн<ом> Госпитале, в котором я и после занятия города Омска Красной Армией прослужил – также санитаром – еще около 3 м-цев.

3.) О своем происхождении и о своей службе в белой армии я написал в своей автобиографии как при вступлении в комсомол в 1924 г., так и при вступлении в ряды ВКП/б/ в конце 1930 г.

Теперь относительно показаний Классена, Винса, Ваала и Неффа. Эти показания сплошной вымысел и зlostная клевета, что совершенно ясно видно уже из их противоречивости и неконкретности. Я никогда не был антисоветским человеком, или даже шпионом и террористом, каким они меня изображают. Лучшим доказательством этого может послужить вся моя трудовая жизнь.

Классен показывает, что я якобы снабжал его шпионскими сведениями, но он ни слова не говорит о том, в пользу какого, враждебного нашей стране государства и за какое возмездие я якобы вел эту, им самим придуманную работу, столь же опасную, как и преступную. Классен просто врет. Немыслимо же, чтобы я, будучи обязан Советской Власти своим образованием, интересной работой, хорошим заработком – вообще всей своей культурной и счастливой жизнью, так преступно и глупо рисковал бы счастьем моих детей, моей жены и моим просто так. Там, где речь идет о моем якобы участии в подготовке террористического акта против председателя СНК СССР, В.М. Молотова, один Классен утверждает, что я якобы и в 1936 г. приезжал в село Спат. Это тоже ложь, и по моему убеждению Классен дал это показание с расчетом на возможность опровергать его впоследствии. Правда, я в 1936 г. отдыхал на южном побережье Крыма, в санатории «Ливадия», куда Классен приезжал повидаться со мной, как с родственником, но никаких антисоветских, или контрреволюционных разговоров мы не вели. С Неффом же, от которого я по показаниям Классена в его присутствии в селе Спат получал контррев<олюционное> задание, я в 1936 г. вовсе не виделся, как и не виделся с Винсом и Ваалом. Вообще показания моих лжесвидетелей, касающиеся этого мифического контрревол. задания, очень путанны и противоречивы; один относит это якобы имевшее место событие к 1935 г., другой к 1936., по словам Классена я это задание получил от Неффа, а по словам Неффа он о даче этого задания услышал от Классена и Винса; кажется Нефф в одном и том же протоколе допроса два раза перечисляет круг лиц, участвовавших в выработке плана террорист. акта. Один раз я не вхожу в этот круг, а другой раз вхожу и т.д. Кажется так, хотя я всю эту вздорную путаницу и очевидную ложь так крепко не мог запомнить, а материалов следствия я под руками не имею. Словом, в этой части показания Классена, Винса, Неффа и Ваала особенно противоречивы. Но за их лживость говорит и то обстоятельство, что я 1.) с Винсом был лишь очень поверхностно знаком с 1923, или с 1924 г. и увидел его теперь, т.е. в 1935 г., вторично спустя целых одиннадцать лет, а Неффа я вообще не знал до 1935 г. С последним я разговаривал всего несколько раз в присутствии других людей и то не больше, чем требуют об-

щепринятая вежливость; 2.) я в Крыму был первый раз в жизни, не знал ни людей, ни местности. Разве мыслимо, чтобы я, или вообще кто-либо, при таких обстоятельствах мог бы принять такое задание? Здравый смысл говорит против этого.

Винс показывает, будто я ему говорил, что я агент гестапо. Это неправда. Я еще раз категорически заявляю, что я ни с Винсом, ни с кем-либо другим не имел антисоветского или контрреволюционного разговора. Кроме того я отмечаю, что Винс дал это показание лишь в мае м-це 1939 г., кажется 9 числа, т.е. спустя много м-цев после его ареста, и мне это обвинение было предъявлено тоже лишь в мае того же 1939 года.

Винс дальше показывает, что я якобы с целью антисоветской пропаганды читал отрывок из своего романа «Мы сами». Это показание особенно убедительно изобличает Винса в злом намерении, во что бы то не стало очернить меня, компрометировать меня политически, хотя бы ценой явной нелепости. В самом деле: я читал взрослым людям – учителям и ученикам старших классов Спатской средней школы. Одно из двух: или «антисоветское» в упомянутом отрывке так искусно завуалировано, что никто из присутствовавших, кроме Винса, его не заметил, т.е. его там просто нет, или же надо допустить абсолютно недопустимое, а именно, что все мои слушатели, в том числе и человек восемь комсомольцев, были врагами советского строя.

Дальше: упомянутый отрывок уже порядочное время до этого был напечатан, так что он к моменту читки прошел уже оценку по меньшей мере нескольких тысяч советских читателей, но все же никто из них нигде не заявил, что я пишу и публикую контрреволюционную вещь. Мои официальные критики – литредактор Немгосиздата, рецензенты и ответствен. редактор этого тоже не говорят, а держатся противоположного мнения, как видно из приложенных к делу показаний гр-ки Ирмы Петровны Дик и двух рецензий, а также из вызы: «Разрешается к печати» отв. редактора К.К. Кремера на оттиске с I тома, который лежит в Немгосиздате. Нет, неправда, моя книга не антисоветское произведение, а наоборот. Я работал над ней с большим патриотическим подъемом и любовью, и мне чрезвычайно горько думать о том, что плоды моего честного труда пропадают только потому, что ничтожная кучка клеветников ополчилась против меня. – Показания Классена и Ваала о том, что я якобы с шпионской целью поехал с ними в Севастополь и Балаклаву, такие же лживые, как все остальные их показания, порочащие меня. Но об этом сказано в протоколах допроса, и я здесь не могу остановиться на них из-за недостатка места. –

Несколько замечаний по поводу показаний свидетелей Николаева, Георгия Ник<олаевича> и Марии Брестер. Г.Н. Николаев прав, Немобком ВКП/б/ и ЦИК АССРНП меня часто привлекали для выполнения их различного рода работ по редактированию и переводам, но в одном он ошибается – приглашениями по торжественным случаям: слеты, встречи и т.п. меня отнюдь не баловали; я был всего на одной единственной встрече в здании ЦИКа АССРНП, на вечере в честь немецкого пролетарского поэта Эриха Вейнера. Там Г.Н. Николаев меня должно быть и видел. Гр-ка Мария Брестер – в то время парторг объединенной редакции «Нахрихтен» – мне в конце октября 1938 года на закрытом собрании парторганизации, где стоял вопрос обо мне, дала характеристику, диаметрально противоположную той, которую она мне дает в своих показаниях. Из протокола того собрания это должно быть видно очень ясно. Там она называла меня постоянным членом парторганизации, торопила меня с подачей заявления о переводе из кандидатов в члены ВКП/б/, просила отрывка из романа для «своей» газеты, напечатала его, а теперь все наоборот. Очевидно по ее мнению об арестованном сказать чего-нибудь положительного никак нельзя, и поэтому она искажает факты, чего она делает и в вопросе об увольнении Э.О. Шульц и напечатании рассказа Гассельбаха. –

Гражданин прокурор, 3 июня с.г. следователь ознакомил меня с постановлением о том, что мое ходатайство о предоставлении мне очной ставки с оклеветавшими меня Классеном, Винсом, Ваалом и Неффом отклоняется. Мотивировка: недостаток времени... А я прошу этой очной ставки уже в продолжении 19 месяцев. Ваше требование о том, чтобы Классен, Винс, Ваал и Нефф были еще раз допрошены, тоже не выполнено, по крайней мере ответа на соответствующий запрос при окончании следствия еще не было. Прошу Вашего содействия, чтобы я не был лишен права

на защиту, последней возможности доказать мою невиновность. Помогите мне, чтобы мое дело наконец было решено в строгом соответствии с Советскими законами! Ведь я теперь уже двадцатый м-ц сижу в строгой изоляции, не совершив никакого преступления. По своим политическим убеждениям и по своему мировоззрению я был и остался коммунистом. –

Убедительно прошу Вас, приложить то заявление к моему делу!

Энгельс
Тюрьма НКВД №1
9 июня 1940 г.
Следствен. заключенный: *Г. Завацкий*

Л.д. 227.

Секретно.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Об убытии заключенного из лагеря

1. Фамилия *Завацкий*
2. Имя и отчество *Гергард Генрихович*
он же
3. Год рожд. *1901* 4. Место рожд. *с. Никольское Славгородск. Округа*
5. Арестован *3/XI 1938* г. 6. Кем НКВД *г. Энгельса*
7. Осужден *28/IX 1940* г. 8. Кем *Особ. Совещ. НКВД СССР* ст.ст. УК СОЭ срок *5 лет*
9. Переведен
10. Освобожден
11. Выбыл
12. Умер *1/XII 1944* г. 13. Извещение о смерти послано
14. Совершил побег
15. Извещение составлено Усольлагом НКВД СССР.

Составил *Киеба?*
Начальник 2го отдела

28/XII 1944 г.